

СПЕЦВЫПУСК

ЯНВАРЬ/2020
УКРАИНА

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

№01 (166)

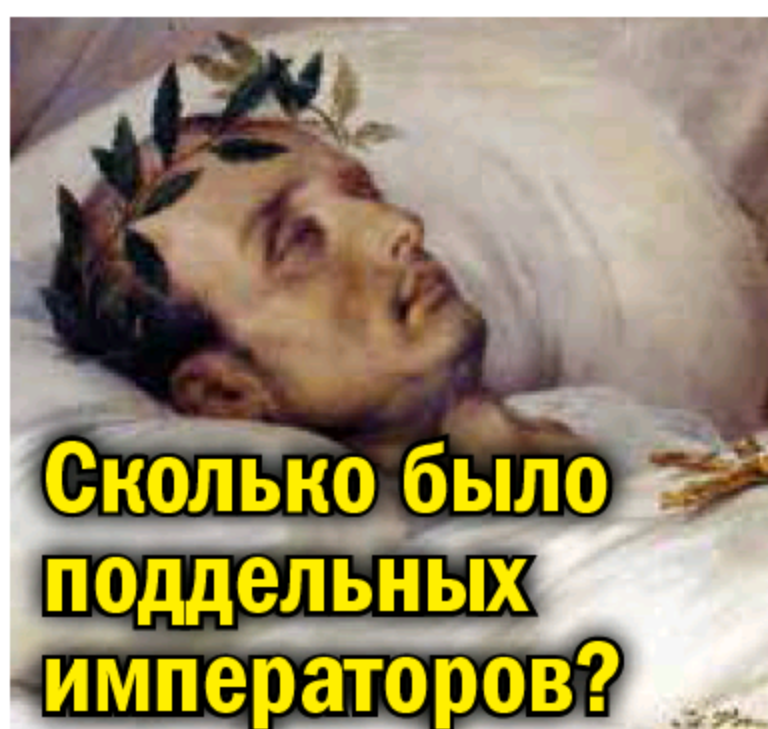

ВЗЛЕТ КОРСИКАНЦА

В НОМЕРЕ:

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

8

Сколько было
поддельных
императоров?

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

11

Убить маршала

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

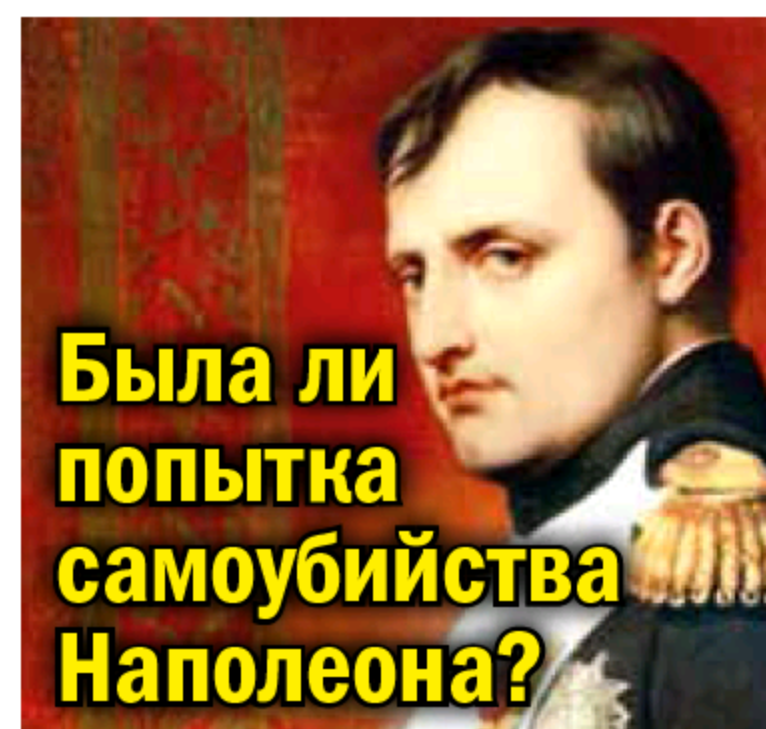
22

Не Бонапарт?

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

6

Была ли
попытка
самоубийства
Наполеона?

СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ ВЗЛЕТ КОРСИКАНЦА

Сергей НЕЧАЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

Наполеон всегда придавал огромное значение качеству своего офицерского корпуса, установив строжайший контроль над чинопроизводством и очистив армию от случайных людей, которых на высокие должности занесло бурными волнами Революции.

В своей книге «Армия Наполеона» историк О.В. Соколов справедливо замечает, что, «способствуя быстрому продвижению по службе талантливых людей, Наполеон одновременно желал сделать все, чтобы случайность или связи не могли занести на высокий пост человека, не понюхавшего пороха и не послужившего в младших чинах». В частности, императорским циркуляром от 5 мая 1805 года устанавливалось, что, например, капитаном мог стать только офицер, имевший, как минимум, восемь лет службы, а полковниче звание нельзя было получить, не пройдя длительный командный стаж в войсках.

В соответствии с этим, по данным О.В. Соколова, средний возраст полковников в армии Наполеона в 1805 году составлял 36 лет, а в 1814 году — более 42 лет.

СТАТИСТИКА «ВЕЛИКИХ»

Но, как известно, средние цифры — это для средних людей. Наиболее выдающиеся военачальники становились полковниками и генералами в значительно более молодом возрасте (особенно в годы постреволюционной эйфории). Рассмотрим это на примере будущих маршалов Империи, ставших генералами в 1792–1794 гг. Статистика «великих» значительно опережает средние показатели. Так, например, Ланн стал полковником в 24 года, Султ и Ней — в 25 лет, Груши — в 26 лет, Макдональд — в 27 лет, Виктор — в 28 лет, Брюн и Сен-Сир — в 29 лет. Позже всех, в 35 лет, стал полковником Массена, однако у него из всех маршалов оказался самый короткий промежуток времени до получения следующего воинского звания: бригадного генерала Массена получил всего через пять дней после своего утверждения в чине полковника (Виктор стал генералом через два месяца, Сен-Сир и Султ — через пять месяцев, Макдональд — через шесть месяцев, Груши — через семь месяцев и т.д. — Прим. ред.). Самыми молодыми генералами из всех будущих маршалов стали Султ и Груши, которым не исполнилось и 26 лет.

На этом фоне, весьма странно выглядит тот факт, что сам Наполеон получил генеральский чин в 24-летнем возрасте, причем с большими нарушениями всех принятых норм, а также «перепрыгнув» сразу из майоров в генералы и ни одного дня не пробыв в чине полковника или шефа бригады.

ДВАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ КАНИКУЛ

Офицерская карьера Наполеона воистину уникальна. 24 февраля 1785 года умер его отец, и Наполеон взял на себя роль главы семьи, хотя согласно правилам это должен был сделать его старший брат Жозеф. В октябре того же года он досрочно закончил военное образование (в шестнадцать с небольшим лет) и, получив лейтенантские эполеты, он был распределен в королевский артиллерийский полк де ля Фер, стоявший гарнизоном в Валансе.

Точнее, Наполеон стал младшим лейтенантом артиллерии (его офицерский патент был окончательно подтвержден 10 января 1786 года).

Прибыл в полк Наполеон 5 ноября 1785 года, но уже в конце августа следующего года, то есть всего через девять месяцев службы, он получил полугодовой отпуск и уехал к себе на Корсику. Там весной 1787 года Наполеон заболел лихорадкой и добился продления отпуска еще на шесть месяцев. Но и по окончании этого срока Наполеон не вер-

В апреле 1779 года девятилетний Наполеон Бонапарт поступил в военную школу в Бриенне и проучился в ней пять лет. В октябре 1784 года, выдержав вступительные экзамены, он был принят в Парижскую военную школу. Также в октябре, но уже 1785 года, он досрочно закончил обучение и отправился служить в гарнизон города Валанса. Так началась карьера, которой позавидовал бы каждый...

нулся в полк, а подал новое прошение о продлении отпуска, якобы в связи с участием в собрании корсиканских сословий для заявления о правах своей семьи. Новый отпуск продолжался с 1 декабря 1787 года по 31 мая 1788 года, и лишь в июне 1788 года молодой офицер Наполеон Бонапарт явился к месту службы. К этому времени его полк уже был передислоцирован в Оксонн, маленький городок в Бургундии.

Биограф Наполеона Жак Бэнвилль со смесью удивления и восхищения пишет: «Это были каникулы. Он сделал так, что они длились двадцать месяцев, ссылаясь последовательно то на здоровье, то на семейные дела. Более полутора лет. Это много, тем более для жизни, которая окажется столь короткой и стремительной».

КАНИКУЛЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Великая французская революция (1789–1799 годы) так подействовала на Наполеона, что он вновь попросился в отпуск и, несмотря на тревожность обстановки, получил его в августе 1789 года. Время с октября 1789 года по конец января 1791 года он вновь провел на Корсике, даже не позабывшись о законном продлении отпуска. Фактически, он просто дезертировал из армии, но, как ни странно, его не только не наказали за это, но и даже выдали жалованье за «прогулянные» месяцы.

1 июня 1791 года Наполеон был повышен до лейтенанта и переведен в 4-й (Гренобльский) артиллерийский полк. Там, не прослужив и десяти месяцев, он снова стал проситься в отпуск. Непосредственный начальник возмущился и отказал Наполеону, но упрямый корсиканец решил не сдаваться и обратился лично к генерал-лейтенанту артиллерии Жану-Пьеру Дютейлю. В результате, вопреки всем правилам военной службы, отпуск на три месяца был получен, и Наполеон снова уехал к себе на Корсику.

После этого во Францию он вернулся лишь в июне 1793 года, и нас в данном случае совершенно не интересует, чем он занимался у себя на родине. Не избежать бы «прогульщику» серьезного наказания, но в Гренобле Наполеон случайно встретил младшего брата своего бывшего покровителя генерала Дютейля.

Генерал Жан Дютейль был только что назначен начальником артиллерии армии, стоявшей на юге Франции, и он взял Наполеона к себе адъютантом. Бесспорно, генерал тогда здорово выручил Наполеона, за что ему позднее в «Воспоминаниях» последнего было даровано определение «он был добрый малый».

ОТ КАПИТАНА ДО КОМАНДИРА БАТАЛЬОНА

Это выглядит удивительно, но 8 марта 1793 года так и не успевший толком послужить в полку и понюхать пороху Наполеон Бонапарт уже был капитаном артиллерии. А ведь это было не мирное время, и Франция только и делала, что отбивалась от наседавших на нее

Наполеон и его брат Луи в Осоне.
Де Бревиль[fr]* (1910)

со всех сторон врагов. Для справки отметим, что к этому времени Удино и Жюно, например, уже успели отличиться в сражениях и были тяжело ранены, а Лефевр был дважды ранен и один раз контужен. Также небезынтересно будет отметить, что, например, будущий маршал Серюрье, человек долга и совести, отважный и далекий от интриг, целых семнадцать лет не мог продвинуться дальше лейтенанта, а ведь он принимал участие в Семилетней войне и в одном из боев получил крайне неприятное ранение в челюсть. По-настоящему капитан Наполеон Бонапарт начал военную службу лишь под Тулоном, куда он прибыл 12 сентября 1793 года. 18 октября он был назначен командиром батальона (это соответствовало чину майора) 2-го артиллерийского полка в осадной армии генерала Карто.

Читая подобную биографию, можно полностью согласиться со словами отца в ту пору сержанта Жюно, который в ответ на сообщение сына о том, что ему предложено стать адъютантом Бонапарта, с удивлением говорил:

– Бонапарт? Что такое Бонапарт? Где он служил? Никто этого не знает!

О поведении Наполеона под Тулоном историк Жак Бэнвилль отзывался следующим образом: «Не нужно преувеличивать впечатление, которое произвели его военные таланты. Легенда о Великом Наполеоне под Тулоном появилась позже, причем значительно позже».

Как бы то ни было, в начале декабря 1793 года Наполеон был назначен начальником артиллерии армии, осаждавшей Тулон, а 18 декабря при его активном участии Тулон был взят, и 25 декабря Конвент устроил по этому поводу невиданный национальный праздник.

Репутация артиллериста Бонапарта после взятия Тулона оказалась на высочайшем

Слева: Наполеон в возрасте 16 лет (рисунок чёрным мелом неизвестного автора)
Справа: Наполеон в 1792 году. Филиппото (1834)

уровне. Этому способствовало множество факторов: и то, что генерал Карто был по образованию простым художником, ничего не смыслившим в фортификации и ведении осадных работ, и то, что комиссаром Комитета общественного спасения, во многом определившим эту самую репутацию, был земляк Наполеона Кристофано Саличети, и многое-многое другое.

В «Универсальной биографии» братьев Мишо в статье о генерале Жане Дютейле читаем: «Он был дивизионным генералом в 1793 году, когда ему дали командование артиллерией при осаде Тулона, занятого англичанами. Эта должность вызвала у него отвращение, и он ее оставил, чтобы возглавить артиллерию Альпийской армии. Не будет бесполезным отметить, что это обстоятельство стало одной из главных причин возвышения Бонапарта, так как именно этого молодого офицера представители народа призвали заменить Дютейля».

Генерал Дюгомье, сменивший Карто на посту командующего армией, представив Наполеона к повышению по службе (кстати сказать, по запросу все того же корсиканца Саличети), написал в Комитет общественного спасения следующие строки: «Наградите и выдвиньте этого молодого человека, потому что, если по отношению к нему будут неблагоприятны, он выдвинется сам собой».

КАК СТАНОВЯТСЯ ГЕНЕРАЛАМИ

23 декабря 1793 года Наполеон полномочиями опьяненных Тулонским триумфом народных представителей был сразу номинирован в бригадные генералы. Согласно принятой процедуре, после этого ему необходимо было направить в военное министерство свой послужной список, что было обязательно для подтверждения генеральского чина. Но что было писать, если со дня выпуска из военной школы майор Наполеон Бонапарт только и делал, что отпрашивался в отпуска, болел да занимался своими личными делами у себя на Корсике? Да, без сомнения, Тулон — это был большой успех, да — под Тулоном у Наполеона была заметная должность, и проявил он себя весьма хорошо, но это длилось всего лишь три месяца за более чем восемь лет так называемой «военной службы».

Для получения генеральского мундира нужно было нечто большее. Для примера отметим, что в мае-декабре 1793 года генералами стали, будущие маршалы Брюн, Виктор, Даву, Журдан, Лефевр, Макдональд, Массена, Ожеро, Периньон и Серюрье. При этом Брюн уже успел повоевать в Северной армии и был членом Военного комитета Конвента; Виктор

и Массена также отличились под Тулоном, командуя штурмовыми колоннами; Даву отличился в Северной армии (он захватил в плен помощника перешедшего на сторону австрийцев генерала Дюмурье) и в Вандее; Журдан участвовал в войне за независимость колоний в Америке, сражался в Северной армии при Жемаппе и Неервиндене, был ранен в грудь при Ондскоте, выиграл сражение при Ваттиньи; Периньон сражался в Восточно-Пиренейской армии и был ранен; Лефевр был трижды ранен и получил медаль от мэра Парижа; Макдональд отличился в сражении при Жемаппе; Ожеро послужил в прусской и неаполитанской армиях, а также в Восточно-Пиренейской армии; Серюрье участвовал в Семилетней войне, был ранен в челюсть при Варбурге, заслужил репутацию специалиста по горной войне в Приморских Альпах.

Следует отметить, что Виктор и Груши от момента поступления на военную службу шли к генеральскому чину 12 лет, Периньон — 13 лет, Журдан — 14 лет, Массена — 18 лет, Ожеро — 19 лет, Лефевр — 20 лет, Монсей — 25 лет, Келлерманн — 36 лет, Серюрье — 38 лет. Тот же будущий маршал Келлерманн стал генералом в 53 года, что в те времена считалось чуть ли ни пенсионным возрастом.

У Наполеона ничего этого не было и быть не могло, но зато имелись влиятельные покровители, а также весьма богатое воображение и искренняя убежденность в том, что успех оправдывает любые, в том числе и не самые благородные средства. Как говорится, спасибо Революции, спасибо новым порядкам...

В самом деле, Наполеон оказался типичным продуктом этих самых новых порядков, выдвинувших на передний план массу новых людей, многие из которых не имели бы ни малейшего шанса при Бурбонах. И, кстати сказать, не только из-за своего низкого происхождения, но и из-за полного отсутствия объективных предпосылок. Как пишет биограф Наполеона Жак Годшо, он «никогда не забывал, что обязан своей удачей Революции».

Кстати, сам Наполеон как-то сказал: «В революциях мы сталкиваемся с людьми двух сортов: теми, кто их совершает, и теми, кто использует их в своих целях». И он прекрасно умел использовать в своих целях все и вся.

По поводу послужного списка Наполеона, фактически сфальсифицированного им самим, американский историк Вильям Миллиган Слоон замечает:

«Буонапарте считал совершенно излишним оставлять на пути к своему производству в генеральский чин какие-либо камни преткновения. Поэтому в послужном списке, посланном в Париж, он показывает, будто вступил в службу более чем годом раньше, чем это случилось на самом деле, не упоминает о таких фактах, которые могли бы быть

артиллерийской батареей, состоявшей из двух пушек и одной мортиры (они, кстати, не были повреждены, но их пришлось бросить на берегу).

Вильяму Миллигану Слоону вторит швейцарский историк Фридрих Кирхейзен: «По требованию, он послал в военное министерство свой послужной список, изобиловавший неточностями. Он не только прибавил себе восемь месяцев и чрезмерно преувеличил свои заслуги, что извинительно, однако, принимая во внимание тогдашнее беспокойное время, но и, что гораздо более важно, отрицал свое аристократическое происхождение, доказать которое стоило его отцу столько трудов и расходов! Но времена изменились. То, что несколько лет тому назад считалось большим плюсом, служило теперь помехой для дальнейшей карьеры, а как отец, так и сын умели извлекать пользу из всякого положения вещей!»

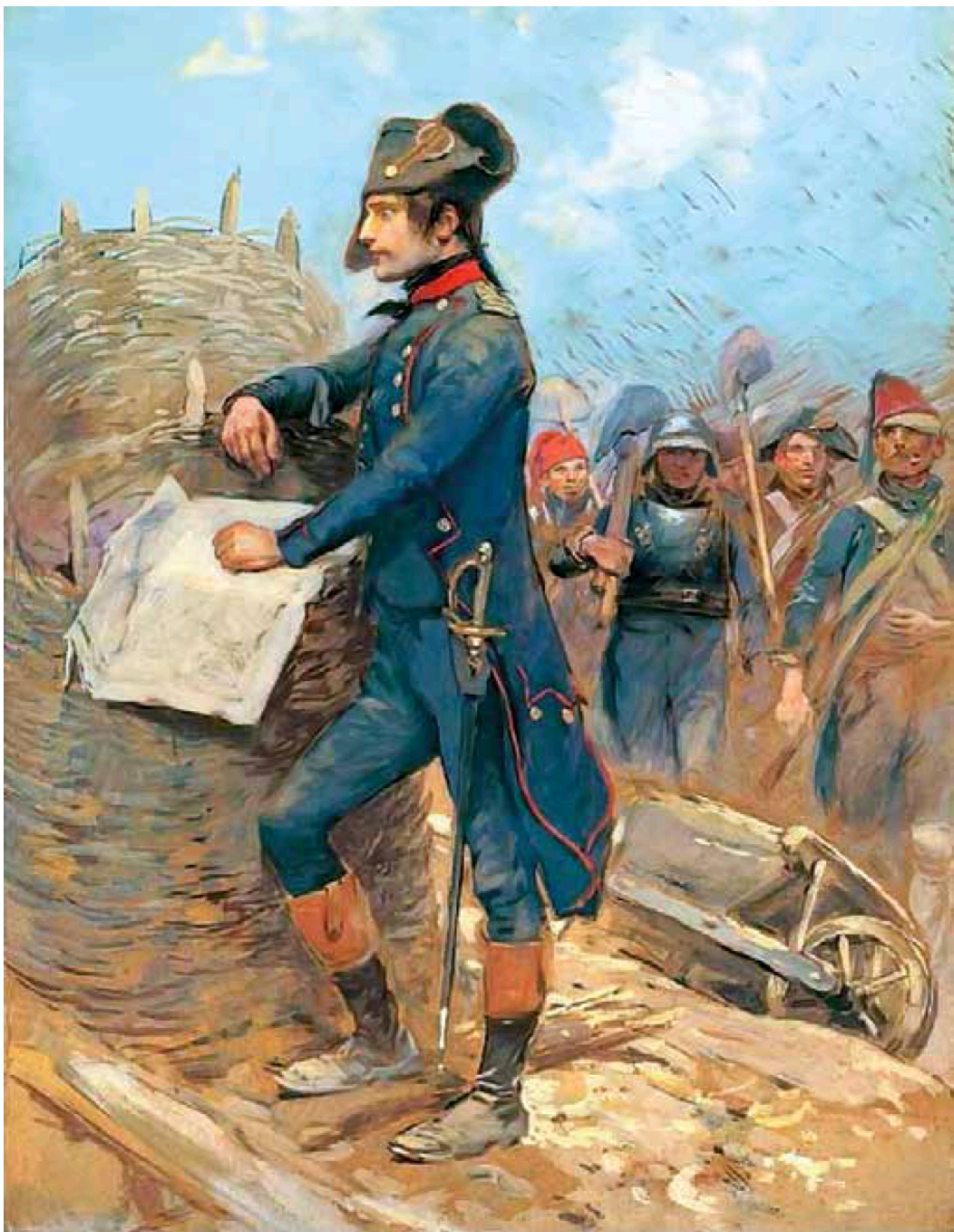
Чиновники военного ведомства, заваленные работой, не удосужились проверить изложенные Наполеоном «факты», и 6 февраля 1794 года корсиканец был официально утвержден в генеральском чине (соответствующий патент он получил 16 марта).

Столь странно-стремительное продвижение по службе дает основания Вильяму Миллигану Слоону, профессору, написавшему беспристрастную и крайне интересную историю Наполеона, не без восхищения воскликнуть: «Прослужив номинально всего лишь восемь лет и три месяца, из которых, четыре года и десять месяцев проведено частью в отпуске, частью же в самовольной отлучке, он оказывался бригадным генералом!»

Фридрих Кирхейзен тоже удивляется: «Итак, прослужив всего восемь лет, из которых половину, отчасти на основании официального отпуска, отчасти же без разрешения, он находился вдали от полка, он сделался бригадным генералом — поистине карьера, которой мог бы позавидовать любой посевший на службе генерал!»

А 26 декабря 1793 года Наполеон сам выхлопотал себе назначение на должность инспектора береговых укреплений побережья Средиземного моря от устья Роны до Ниццы. Уникальная карьера молодого «борца за качество офицерских кадров, строжайший порядок в чинопроизводстве и воинскую дисциплину» еще только начиналась...

Наполеон в Тулоне. Деталь (XIX век)

КОВАРНЫЙ ГЕНЕРАЛ МОРОЗ

Владимир СВЕРЖИН

Специально для «Совершенно секретно»

В богатом на сражения XIX веке оно было одним из самых громких, самых кровопролитных и самых нелепых. И «генерал Мороз» в нем принимал живейшее участие. В 1807 году Наполеон представлялся европейскому обществу чем-то вроде стихийного бедствия. Он врвался в очередную страну, сносил местный престол и решал: посадить ли государем кого-либо из своей родни, перекроить страну до неузнаваемости или же оставить на троне прежнего государя, чтобы было, в кого ткнуть пальцем: «Этот вон из древней знати и ничего, исправно кланяется». После разгрома в 1805 году при Аустерлице объединенных армий Австрии, Пруссии и России многим казалось, что Бонапарт — воплощение антихриста и воевать с ним вовсе нет никакого смысла. Остается лишь молиться.

КОРСИКАНСКИЙ УРАГАН

Самому Бонапарту такой подход совершенно не нравился — воевать он умел и любил. Особенно любил побеждать. В случае фиаско, как в случае с Египетским походом, обиженный корсиканец просто разворачивался и уходил. Но там он отвертелся, сказав, что уехал во Францию устраивать переворот. В смысле, наводить еще более, чем прежде, революционный порядок.

В 1806 году король Пруссии решил поразить Наполеона и объявил ему войну. На что надеялся монарх, посылая императору французам ультиматум, с требованием вернуть прежде захваченные земли, сказать непросто. Возможно, ему казалось, что новая антинаполеоновская коалиция придаст вес его словам, а может, он возомнил себя Фридрихом Великим, но разгром прусской армии был столь стремителен, что штабные писари еще не успели разослать генералам план действий. Бонапарт записал на свой счет громкие победы при Йене и Ауэрштадте и двинулся вперед в Польшу и Восточную Пруссию. Здесь он столкнулся с русской армией, спешащей на помощь союзникам. В Восточную Пруссию (на сегодняшний день Калининградская область) отправилась армия под командованием генерала от кавалерии Леонтия Леонтьевича Беннигсена.

ОШИБКА МАРШАЛА ЛАННА

Появление «на сцене» российских войск лишь раззадорило Наполеона, он решил окружить и разгромить их, чтобы затем в свое удовольствие диктовать условия ново-

Остров Святой Елены — крохотный огрызок суши посреди океана. Здесь под бдительным надзором доживал век обрюзгший, усталый человек, еще недавно повелевавший Европой, перекраивавший карту мира и раздававший короны, как Санта-Клаус подарки из мешка. Здесь, без надежды на возвращение, он диктовал мемуары, заботясь, как будет выглядеть в глазах потомков. Его звали просто Наполеон Бонапарт. Вспоминая недобрым словом поход в Россию, он хитрил, сетуя, что «генерал Мороз» заставил его бежать из страны — французская великая армия просто неспособна была сражаться в нечеловеческих условиях! Лютый холод и снега не дали ему осуществить гениальные замыслы. Как случалось с ним регулярно, отставной император безоглядно врал, не заботясь ни о реальности, ни о чести собственных воинов. Он будто вычеркнул из истории кампанию 1807 года и, в частности, сражение при Прейсиш-Эйлау.

го мира. 12 декабря 1806 года, под Чарново, дивизия генерала Остермана-Толстого вступила в бой с передовыми частями маршала Даву. Маневрируя, полки с боем отходили к Пултуску, где собирались русские войска. Здесь произошло первое крупное боевое столкновение французских и русских войск. Командовавший французским авангардом маршал Ланн, ошибочно решив, что перед ним лишь один из русских корпусов, ринулся в бой, спеша овладеть переправой через реку Нарев и самим городом. Но мужество и численное превосходство русских не дало его ожесточенным атакам сломить нашу оборону. Наступать же Беннигсен не решался. Поле сражения превратилось в грязную мерзлую кашу, атаки и контратаки шли одна за другой, шансов одержать решительную победу не нашлось ни у одной из сторон. Войска были измотаны, но более всего Беннигсен опасался, что победа над Ланном, даже если удастся ее одержать, может оказаться Пирровой — армия ослабнет и для

Наполеона будет открыт путь в глубину Восточной Пруссии.

НЕПОСЕДЛИВЫЙ МАРШАЛ НЕЙ

Беннигсен смог отступить, не дав французам захватить переправу, и тем самым сохранил армию. Но обе стороны были измотаны маршами и боями и остановились, чтобы дать солдатам передышку. Целый месяц полки стояли на зимних квартирах и стояли бы дальше. Но тут командовавший одним из французских корпусов маршал Ней решил, что предоставленный ему для постоя городок Нойденбург недостаточно комфортабелен. Почему он так решил — можно только гадать. Однако, недолго думая, он поднял корпус и отправился искать, где можно разместиться с большим удобством. Наполеон слегка ошалел от подобного своеволия «храбрейшего из храбрых», но быстро сообразил, что странным передвижением его войск очень даже можно воспользоваться.

Между тем Беннигсену разведка донесла, что французы вдруг снялись с места и начали выдвигаться бог весть куда с неведомой целью. Конец января — не самое удачное время для форсированных маршей, тем более что погоды стояли холодные, ветреные и снежные. Но такая неприятность не вызвала серьезных вопросов: не было сомнений, что под руководством Наполеона войска способны воевать хоть во льдах, хоть в адском пламени. Стремительный же маневр вкупе с сосредоточенным ударом любимой Бонапартом артиллерии был своего рода «визитной карточкой» императора.

Желая перехватить коварного неприятеля, Беннигсен поднял армию в ружье. Конные разъезды доносили, что французы буквально со всех сторон. Нужно было активно действовать! Стоять, ждать, пока Ней атакует, представлялось крайне опасным.

ГАСКОНЕЦ ПРОТИВ КОРСИКАНЦА

Между тем особая роль в наполеоновском плане отводилась корпусу еще одного слав-

Битва под Илавой в Пруссии. Г. Гобо

ного имперского маршала Бернадота. Он должен был как можно убедительнее изображать сыр в мышеловке, отвлекая на себя внимание русских и, если придется, то принять удар их главных сил. Все шло по плану Наполеона, русские гнались за миражом, шаг за шагом подставляясь под смертоносный удар.

Прямо сказать, такое сомнительное «доверие» императора Бернадоту пришлось вовсе не по вкусу. В 1810 году бравый маршал без колебаний ответил на просьбу шведов стать их кронпринцем, а затем и королем. Единственный из полководцев Империи, став монархом, он навсегда порвал отношения с Бонапартом. У того вообще непросто сказывались отношения с этим храбрым и удачливым полководцем. В юности оба делали предложения некой мадемуазель Клари. Прелестница отдала руку и сердце лихому гасконскому сержанту-гусару, а не щуплому корсиканскому лейтенанту-артиллеристу, и ее сложно осуждать за это. Теперь благодаря этому браку существует нынешняя королевская династия Швеции — Бернадоты. Очень может быть, что именно в дни сражения у Прейсиш-Эйлау маршал принял для себя решение не связывать далее судьбу с императором французов.

КАЗАЦКИЙ УЛОВ

Но в ту пору в обстановке полной секретности он выполнял приказ. В это же самое время Беннигсен, еще не догадываясь, что корпус Бернадота используется Наполеоном в качестве наживки, чтобы подставить русские войска под фланговый удар основных его сил, что есть мочи спешил в расставленную для него западню. И тут неожиданно казаки доставили Беннигсену неоценимый подарок — одного из наполеоновских адъютантов, спешившего с бумагами к маршалу Бернадоту. Капкан, приготовленный для русской армии, перестал быть тайной в тот самый момент, когда войска уже практически угодили в него.

Наполеон при Аустерлице. Жерар (1810)

Беннигсен остановился и демонстративно начал готовить оборону на околице селения Янково. Поняв, что русские о чем-то догадываются, Наполеон дал сигнал к атаке. Французы опасливо, явно ожидая залпового огня и контратаки, двинулись на русские позиции. Но те молчали. Когда же передний край обороны был уже совсем близок, опустив штыки, они рванулись вперед. В Янково их встречали до смерти перепуганные местные жители. Армия ушла, будто растворилась. Раздосадованный Наполеон потребовал немедленно начать преследование. Первыми обнаружили остатки прусской армии — корпус генерала Лестока. Бернадот и Ней, ждавшие только приказа замкнуть кольцо, бросились следом за пруссаками. Но вскоре подвох выяснился, и основные части французов ринулись ловить Беннигсена. Прикрывать его отход был отряжен пятитысячный отряд генерал-майора Барклая-де-Толли.

БОГАТЫРСКАЯ ЗАСТАВА

Понимая, насколько плачевна ситуация, Барклай действовал без малейших признаков страха. В крошечных городках Зинкен и Гоф были устроены передовые опорные пункты. В сравнении с противником, силы, поставленные там, были совсем невелики, но они готовы были драться до конца. 6 февраля перед русскими позициями появились основные силы французов. Первым шел корпус Мюрата, лучшего кавалериста Франции. Его полки штормовой волной накатили на русские позиции. Вскоре к Мюрату присоединилась пехота маршала Сульта. Оборонявшие Зинкен пехотный батальон, четыре гусарских эскадрона и пара легких пушек будущего героя войны 1812 года Дорохова, задержав противника, насколько это было возможно, отступили в порядке и соединились с отрядом Барклая. До самой ночи русские удерживали оборону, раз за разом отражая жесточайшие атаки многократно превосходящего противника.

Русские потери были велики. На поле боя, отражая атаку французской тяжелой кавалерии, poleg один из лучших полков российской пехоты — костромской мушкетерский, но смять и обратить в бегство наши войска французам не удалось. Ночью в полном порядке отряд Барклая отступил к городку Лансдорф, где в ту пору располагался штаб Беннигсена. Той же ночью поступил приказ отступать к Прейсиш-Эйлау (совр. Багратионовск). Так страстно желаемое Наполеоном решительное сражение было

неизбежно, свободы для маневра русская армия больше не имела. Однако, все еще опасаясь русского оружия, Бонапарт медлил, желая собрать армию в единый кулак. Атаковать с ходу у него тоже уже не было сил.

Последней «богатырской заставой» перед Прейсиш-Эйлау стал холм Цигельхоф. 7 февраля отряды Барклая-де-Толли и Багратиона приняли там новый бой с корпусами Мюрата и Сульта. После яростной схватки русские были вынуждены отступить, подарив врагу господствующую высоту. Как сообщали очевидцы, на кладбище, размещавшемся на этом холме после боя, трупов осталось больше, чем всех прежних могил. Наполеон с тревогой объезжал полки, еще не думая, что спустя несколько лет будет сочинять бредни о том, что его армия не умеет сражаться зимой. Да, французы устали, продрогли и оголодали, но они горели желанием победить или погибнуть за обожаемого императора.

Положение русских было не лучше. Один из офицеров Азовского мушкетерского полка в те дни писал: «Беспорядок и неустойчивость превосходят всякое человеческое понятие. В нашем полку, перешедшем границу в полном составе и не видевшем еще французов, состав рот уменьшился до 20–30 человек... Можно верить мнению всех офицеров, что Беннигсен имел охоту отступить еще далее, если бы состояние армии представляло к тому возможность. Но так как она настолько ослаблена и обессилена... то он решился... драться».

СХВАТКА ЗА ИМПЕРАТОРСКИЙ УЖИН

Между тем в Прейсиш-Эйлау произошло одно из тех чудес, которые время от времени случаются во всякой войне: слуги Наполеона, не разобравшись в суете, где чьи позиции, отправились в городок, чтобы оборудовать там ставку для императора. В тот самый момент, когда они, ни о чем не подозревая, готовили ужин Бонапарту, на запах подошел русский патруль... В результате обоз императорской главной квартиры, повара и лакеи оказались в руках русских. А заодно и отличный ужин.

Привлеченный шумом, пальбой и французскими проклятиями, маршал Султ подумал, что на улицах уже идет бой и, не разбираясь, атаковал городок. В свою очередь, Беннигсен, решив, что рьяный корсиканец решил под шумок захватить Прейсиш-Эйлау, направил на помощь дивизию под командованием Багратиона. Город трижды переходил из рук в руки и к утру все же остался за французами. В этом уличном бою получил тяжелое ранение Барклай-

де-Толли, пуля раздробила ему руку.

Утром 8 февраля русская армия была выстроена для боя. На фронте в 4,5 километра располагалось 67 тысяч пехоты и кавалерии и 450 пушек. Армия Наполеона насчитывала около 50 тысяч, и пушек у него было вдвое меньше. Но против осторожного Беннигсена стоял победоносный Бонапарт, а рядом с ним его прославленные маршалы. Кроме того, император французов ждал подхода корпусов Даву и Ней с 30 тысячами штыков и сабель. Поддержать русских мог только маршировавший где-то корпус Лестока, насчитывавший менее 10 тысяч.

И ГРЯНУЛ БОЙ!

Артиллерия Наполеона начала обстрел русских позиций. Рев канонады, ядра, выкашивающие солдатские шеренги, визг картечи, вздрагивающая от залпов земля — таким запомнился этот день лихому кавалеристу Денису Давыдову. Потрепанные дивизии из корпуса Сульта попробовали в штыки проломить центр русского построения, но были отброшены. На левом фланге завязалась жестокая схватка, и тут на поле боя через метель ворвался корпус генерала Даву. В отчаянном двухчасовом бою он начал «загибать» левый фланг русских, создавая угрозу охвата и полного окружения. Но армия Беннигсена продолжала держаться. Желая спасти фланг, тот перебросил на помощь часть полков и артиллерии из центра и правого фланга. Заметив это, Наполеон отправил напролом, в центр позиции, дивизию корпуса Ожеро. Французы шли по глубокому снегу, из-за густейшей пурги не видя, куда движутся. Тут буран стих, и они оказались аккурат перед 72-х орудийной батареей, готовой к залпу. Разделявшие их триста метров заснеженной целины не давали шансов взять орудия на штык, шанса, что пушкари промахнутся — тоже не было. За несколько минут непрерывного огненного ада было убито и ранено около 5 тысяч французов!

Закончив расправу с корпусом Ожеро, артиллеристы с радостью осознали, что открывшийся их взору пейзаж содержит замечательный элемент — наблюдательный пункт Наполеона, расположенный на кладбищенском холме. Теперь огненный шквал обрушился на позиции императора и его Старой гвардии. Чтобы выровнять ситуацию, Бонапарт бросил в бой последний резерв — кавалерию Мюрата. Лихой маршал мчит с клинком наголо впереди эскадронов. Удар прорвал шеренги русской пехоты, но едва конница проломилась сквозь строй и направилась к русской батарее, шеренги вновь сомкнулись, и полторы тысячи гвардейских конных гренадер оказались в окружении стены штыков.

Перестроившись под шквальным огнем, конные гренадеры, устилая снег телами, проломались через русские позиции в обратном направлении. А в это время часть русской пехоты, добравшись до кладбищенского холма, атаковала в штыки императорскую ставку. Кровавопролитная схватка со Старой гвардией закончилась неудачно, русских храбрецов некому было поддерживать. К вечеру, уже в плотных зимних сумерках, к полю боя подошли измотанные корпуса Лестока и преследовавший его корпус Ней. Тот даже попытался с марша атаковать, но его войска были остановлены русской контратакой.

Понимая, что продолжать сражение в потемках при таком положении дел опасно, Наполеон велел трубить отход. В свою очередь и Беннигсен, оценив потери, решил, что дальнейший бой невозможен, и отвел войска в полной уверенности в своей победе. Он не мог поверить, что непобедимый император отступил! Но факт был налицо.

ПОДМОРОЖЕННЫЕ ЛАВРЫ

Решив не дожидаться, пока Наполеон перегруппируется и навяжет ему новое сражение, Леонтий Леонтьевич велел отступать к Кёнигсбергу. В Санкт-Петербург был направлен гонец с реляцией о победе и четырьмя захваченными французскими знаменами. Неслыханный успех генерала был оценен высшим орденом Святого апостола Андрея Первозванного с бриллиантами, офицеры получили знаки на георгиевской ленте «За победу при Прейсиш-Эйлау», но главное, русские солдаты осознали, что непобедимого Бонапарта можно бить.

В свою очередь Наполеон утром вернулся на поле боя и вновь не обнаружил противника. Он простоял в Прейсиш-Эйлау девять дней, хороня раненых, устраивая лазареты и восстанавливая силы. О преследовании уже не могло быть и речи — потери оказались чрезвычайно велики. И хотя у русских они были еще больше, однако каждый десятый погибший француз был офицером или генералом. В этом бессмысленном побоище Бонапарт потерял сотни офицеров и семь генералов! Под Аустерлицем — лишь одного!

И все же, поразмыслив, Наполеон отправил в Париж радостную весть об очередном успехе, и мундиры его воинов украсила медаль в воздаяние победы при Прейсиш-Эйлау. Правда, несколько позже, после заключения мира, он сам говорил русскому военному представителю Чернышеву: «Вы бросили победу, я ее поднял». А что же пресловутый «генерал Мороз»? Он не был представлен к награде ни одной из воюющих сторон. ■

Сергей НЕЧАЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

Сам Наполеон как-то написал: «Самоубийство — величайшее из преступлений. Какое мужество может иметь тот, кто трепещет перед превратностями фортуны? Истинный героизм состоит в том, чтобы быть выше злосчастий жизни».

Не стремясь к каким-то глубоким открытиям, хотелось бы просто представить различные свидетельства очевидцев, а вслед за ними и продукты умственной деятельности многочисленных историков; и все это — лишь для того, чтобы лишний раз подтвердить простую истину, сформулированную 300 лет назад Шарлем де Сент-Эвремоном: «Все историки обещают нам правду, и ни один не передает ее без искажений».

ВЕРСИЯ АРМАНА ДЕ КОЛЕНКУРА

Арман де Коленкур писал свои «Мемуары» в 1822–1825 гг., базируясь на заметках, которые он делал, служа Наполеону, практически ежедневно. Однако эти интереснейшие «Мемуары» были опубликованы лишь в 1933 году. Коленкур пишет:

«Ночь с 12 на 13 апреля 1814 года. В три часа император потребовал меня к себе. Он лежал; ночная лампа слабо освещала, как обычно, его комнату <...> Помолчав некоторое время, он заговорил <...> «Очень скоро меня не станет...» <...>

Он говорил слабым голосом, с выражением страдания и частыми перерывами <...> Я пытался узнать, что с ним происходит. Икота причиняла ему большие страдания. Я умолял его позволить мне позвать гофмаршала двора. Я хотел воспользоваться случаем, чтобы пригласить доктора Ивана, но он отказывался видеть кого-либо <...>

Двери были закрыты, и камердинер не слышал меня. Икота все усиливалась; его руки и ноги напряглись; желудок и сердце — словно взбунтовались. Первые позывы рвоты оказались напрасными: показалось, что император не выдержит. Холодный пот сменялся горячим жаром <...>

Император <...> был раздосадован и жаловался на медленный результат действия принятого им опиума. «Как тяжело умирать, — воскликнул он, — как ужасно это оттягивание смерти, которая никак не хочет разом покончить со всем!»

Его волнение, его крайнее недовольство малой эффективностью того, что он принял, не поддается описанию. Он призвал смерть с таким пылом, с каким не всегда просят о сохранении жизни. Речь шла об опиуме. Я спросил, как он его принял; он ответил, что размешал его в воде. Я осмотрел стакан, стоявший на его столе, а также какую-то небольшую бумажку, лежавшую рядом. Там внутри что-то еще оставалось. Приступы тошноты стали еще более жестокими, он уже не мог сдержаться, и его начало рвать. Тазик, который я поднес ему, немного запоздал <...> Император впал в отчаяние от того, что его желудок избавлялся от того, что он выпил; мои вопросы позволили мне узнать, что он носил яд в маленьком пакетике на шее со времен Малоярославца, не желая подвергаться риску попасть живым в руки врагов, а доза была такова, как его уверили, что могла убить двух человек <...>

Приступы рвоты следовали друг за другом, но уже без особого результата <...> «Как тяжело умирать в своей постели, — промолвил император, — в то время, как так легко распрощаться с жизнью на войне!» Появился господин Иван, я показал его императору, и тот попросил измерить у него пульс. Он жаловался на постоянные потуги к рвоте. «Доктор, — сказал он, — дайте мне другую более сильную дозу, чтобы то, что я принял, завершило свое действие. Это ваш долг, это именно та услуга, которую должны оказать мне те, кто ко мне привязан». Хирург стал возражать, говоря, что он не убийца, что он находится здесь для того, чтобы лечить, чтобы вернуть его к жизни, и что он никогда не сделает ничего противного своим принципам <...>

Рвота повторилась еще раз; позвали камердинера Констан <...> Император

повторил господину Ивану свою просьбу. Тот сказал, что лучше уйдет вообще, чем будет выслушивать подобные предложения».

ВЕРСИЯ КОНСТАНА ВЕРИ

Камердинер Наполеона Констан Вери, более известный просто как Констан, в своих «Мемуарах», опубликованных в 1830 году, написал так:

«Я заранее прошу читателей обратить самое серьезное внимание на событие, о котором я сейчас начну рассказывать. Теперь я выступаю в роли историка, поскольку я описываю запечатленные в моей памяти мучительные воспоминания о почти трагическом событии в карьере императора; о событии, ставшем предметом бесчисленных споров, хотя все они неизбежно основывались лишь на одних догадках, ибо только мне одному были известны все печальные подробности этого события.

Я имею в виду отравление императора в Фонтенбло. Я полагаю, что не нуждаюсь в том, чтобы доказывать свою безупречную правдивость; я придаю слишком большое значение раскрытию подробностей этого события, чтобы позволить себе упустить или добавить малейшее обстоятельство, которое бы нанесло ущерб чистейшей правде».

После такого ко многому обязывающего вступления удивительной выглядит следующая фраза Констан: «11 апреля я <...> вошел в комнату Его Величества, охваченный неописуемым волнением. Император лежал, а когда я приблизился к его кровати, я увидел на полу перед камином мешочек из кожи и шелка... Это был тот самый мешочек, который он носил на шее со времен Испанской кампании и который я так тщательно хранил в течение всех последующих кампаний. Ах! Если бы я мог знать, что в нем содержится! В эту фатальную минуту ужасная правда вдруг дошла до меня!».

Называя дату 11 апреля, Констан, без сомнения, ошибается, то есть с самого начала ставит под сомнение «свою безупречную правдивость». Но он продолжает:

«Констан, — позвал он меня болезненно слабым и прерывистым голосом. — Констан, я умираю!... Я не могу перенести все эти мучения, особенно то унижение, которое я испытываю от того, что меня окружают иностранные агенты!... Мои орлы смешаны с грязью!... Они так и не поняли меня!... Мой бедный Констан, они еще пожалеют, когда меня не станет!» <...>

«Император сказал мне еще много разных вещей, которые, боюсь, я не смогу правильно повторить; и это можно понять, так как, охваченный отчаянием, я не пытался запечатлеть в памяти слова, прерывисто вылетавшие из уст императора <...> Я не сводил глаз с императорского лица и заметил, насколько слезы позволяли мне видеть, что оно искажилось конвульсиями <...> Император, испытывая физические и душевные страдания, не потерял хладнокровия и после первого приступа рвоты сказал мне: «Констан, позовите Коленкура и Ивана».

Я приоткрыл дверь, чтобы передать этот приказ господину Пелару, не выходя из комнаты императора. Вернувшись к его кровати, я стал упрашивать его, умолять принять облегчающую микстуру; все мои усилия были напрасными, он отклонял все мои настоятельные просьбы, так сильно было,

БЫЛА ЛИ ПОПЫТКА

В ночь с 12 на 13 апреля 1814 года, находясь в Фонтенбло, Наполеон предпринял попытку самоубийства. Непосредственными свидетелями этого события были, судя по всему, Арман де Коленкур (герцог Виченцкий), и камердинер Наполеона Констан, и они подробно описали произошедшее в своих «Мемуарах». Впрочем, и многие другие, в том числе и те, кого там вообще не было, впоследствии начали излагать свои версии, во многом сходные с версиями Коленкура и Констан, но грешащие нестыковками и противоречиями.

Наполеон. Поль Деларош

даже в присутствии самой смерти, его желание умереть <...>

Господин герцог Виченцкий, господин Иван и я, объединив наши усилия в общей молитве к императору, наконец, убедили его, хотя и не без трудностей, выпить чашку чая <...> Вскоре после этого император успокоился и заснул <...>

После нескольких часов сна император проснулся, и, казалось, он выглядел, как обычно, хотя его лицо все еще имело следы перенесенных страданий <...> Счастливое сохранение жизни императора я объясняю тем, что яд, хранившийся у него в фатальном мешочке, потерял свою эффективность».

СРАВНЕНИЕ ПОКАЗАНИЙ ОЧЕВИДЦЕВ

Сравним показания этих двух очевидцев. Коленкур пишет, что находился рядом с Наполеоном в эти драматические часы, а камердинера Констан позвали лишь под конец, когда прошли приступы рвоты, и смерть, угрожавшая императору, отступила. Констан утверждает обратное: он нахо-

дился рядом с Наполеоном, а лишь потом император попросил его позвать Коленкура и доктора Ивана. С этим все понятно — каждый хочет лишний раз погреться в лучах чужой славы, пусть даже при таких не самых приятных обстоятельствах. Все люди честолюбивы, а взгляд честолюбца всегда устремлен туда, где ему хотелось бы быть, а не туда, откуда он пришел.

Согласно Констану, это он рассказал Коленкуру о том, что император принял яд; Коленкур заверяет, что сам нашел стакан и бумажку с остатками яда. Коленкур четко указывает, что самоотравление Наполеона имело место в ночь с 12 на 13 апреля 1814 года, Констан же пишет, что это было в ночь с 11 на 12 апреля.

Поиск несоответствий в показаниях можно было бы продолжать и дальше, а ведь перед нами рассказы двух людей, явно находившихся возле Наполеона в ту страшную ночь. Что же тогда требовать от историков, которые сами вообще ничего не видели, а лишь занимаются вольным пересказом событий с чужих слов?

МНЕНИЯ ИСТОРИКОВ

Историки XIX века, как всегда, многословны и склонны к литературным излишества. Зачастую они дают даже больше все-

САМОУБИЙСТВА НАПОЛЕОНА?

возможных деталей, чем непосредственные свидетели событий. При этом, почти все они повторяют версии Коленкура или Константа.

Так, например, Адольф Тьер в своей «Истории Консульства и Империи» пишет: «Он (Наполеон — Прим. ред.) почувствовал отвращение к жизни и решил прибегнуть к яду, который он уже давно имел при себе на крайний случай. В России, на следующий день после кровопролитного сражения при Малоярославце, после внезапного нападения казаков, поставившего его персону в опасность стать пленником русских, он попросил у доктора Ивана сильную опиумную микстуру, чтобы избавиться от невыносимой муки украшения собой колесницы победителя. Доктор Иван, понимая необходимость этой меры, приготовил ему требуемую микстуру и поместил ее в мешочек, который можно было бы носить с собой, никогда с ним не расставаясь. Вернувшись во Францию, Наполеон не захотел ее уничтожить и поместил ее в свой дорожный несессер, где она находилась и поныне».

Вследствие удручающих размышлений дня, заботясь о судьбе своих приближенных и не желая компрометировать их своей смертью, он выбрал эту ночь 11 апреля, чтобы покончить с трудностями жизни, которые он не мог больше выдерживать после того, как сам так искал их, и, достав из своего несессера грозную микстуру, он растворил ее в небольшом количестве воды, проглотил, а затем позволил себе упасть в постель, чтобы, как он полагал, заснуть навеки».

Историки первой половины XX века описывали рассматриваемое событие весьма схожим образом, но еще чаще путаясь в мелких деталях.

Так, например, Е.В. Тарле пишет: «На-

самоубийство Наполеон всегда смотрел как на проявление слабости и малодушия, и, очевидно, при Арси-сюр-Об и во многих предыдущих аналогичных случаях в 1813 и 1814 гг. он как бы хитрил с самим собой, ища смерти, но смерти не от своей собственной руки, стремясь к замаскированному самоубийству».

Но 11 апреля 1814 года, через пять дней после отречения, когда уже во дворце Фонтенбло начались сборы к выезду его на остров Эльбу, Наполеон, простившись с Коленкуром, с которым много времени проводил в эти дни, ушел в свои апартаменты и, как потом обнаружилось, достал пузырек с раствором опиума, лежавший у него в походном несессере, с которым он никогда не расставался <...>

Начались страшные мучения <...> Доктор, увидев пузырек на столе, сейчас же понял, в чем дело. Наполеон начал жаловаться на то, что яд слаб или выдохся, и стал повелительно требовать у доктора, чтобы он немедленно дал нового опиума <...> Мучения Наполеона продолжались еще несколько часов, так как он отказался принять противоядие». Историки второй половины XX века уже смотрят на все эту ситуацию с самоотравлением Наполеона несколько иначе: они либо начинают подвергать сомнению сам факт произошедшего, либо говорят о нем предельно кратко, вообще не вдаваясь в детали.

В частности, Рональд Делдерфилд в книге «Крушение империи Наполеона» пишет: «В течение нескольких лет, по мнению одних, начиная с 1808 года, а согласно другим, после московского похода, Наполеон носил на шее маленький мешочек. В нем находился смертельный яд, приготовлен-

ный для него известным французским врачом Пьером Кабанисом <...> Состав этого яда так никогда и не был открыт. Скорее всего, это была смесь, содержащая стрихнин. Наполеон всегда заявлял, что он держит яд на случай, если враги захватят его в плен. Теперь настало время применить творенье врача-материалиста».

Жан Тюлар в своей книге «Наполеон, или Миф о «спасителе» пишет об этом событии уже почти мимоходом: «В нем просыпаются мысли о самоубийстве; 8-го, по свидетельству Коленкура, он пытается покончить с собой, в ночь с 12-го на 13-е — еще одна попытка».

ТАК БЫЛО ЛИ ОНО — ЭТО САМООТРАВЛЕНИЕ?

Зададимся простым вопросом, почему события ночи с 12 на 13 апреля 1814 года, несмотря на обилие «свидетельских показаний», описываются столь разноречиво. Прежде всего, и это удивительно, нет единого мнения о типе примененного Наполеоном яда. Одни говорят, что это был опиум, другие — цианистый калий, третьи — смесь, содержащая стрихнин... Одни утверждают, что Наполеон носил яд в пакетике, другие — в мешочке, третьи — в пузырьке... У одних Наполеон хранил яд на шее, у других — яд хранился в сундуке, где лежала одежда, у третьих — в походном несессере... Одни доказывают, что яд приготовил для Наполеона его личный врач Иван, другие — что врач Пьер Кабанис... Одни говорят, что Наполеон стал носить при себе яд со времен Испанской кампании, другие — после собы-

тий под Малоярославцем... Перечень несоответствий можно было бы продолжить. Расходятся показания даже в определении точной даты происшедшего!

Вряд ли все это может объясняться одной лишь недобросовестностью процитированных авторов. Создается впечатление, что описывается не реально происшедшее событие, а некая легенда, и каждый делает это так, как ему заблагорассудится.

Известный британский историк Рональд Делдерфилд ставит невольно возникающий вопрос ребром. Он начинает рассуждать о неких «внезапных поворотах, которые случаются в самые кризисные моменты истории и которые никогда нельзя ни полностью объяснить, ни даже проверить», а затем плавно переходит к заключению, что «нельзя быть твердо уверенным, была ли внезапная болезнь этого разбитого человека результатом попытки самоубийства или просто следствием чрезмерной дозы опиума, который он употреблял в эти дни, как средство против бессонницы, ставшей его постоянной спутницей».

Не менее авторитетный американский историк Вильям Миллиган Слоон подводит своеобразный итог нашему расследованию. Анализируя свидетельские показания, он заключает: «Некоторые подозрения на достоверность этих рассказов набрасывает тот факт, что на следующее утро Наполеон, по внешности совершенно здоровый и спокойный, созвал к себе маршалов и обратился к ним с последним призывом. Из показаний его секретаря и лейб-медика явствует, что он был сильно болен, но все остальное производит впечатление узоров, умышленно вышитых на канве его болезни».

НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

ПОЛІТИЧНІ, ЕКОНОМІЧНІ, ІСТОРИЧНІ РОЗСЛІДУВАННЯ,
МАТЕРІАЛИ ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ СПЕЦСЛУЖБ.
АНАЛІТИЧНИЙ ПІДХІД, СВОБОДА СУДЖЕНЬ, ІНФОРМАТИВНІСТЬ.

ВІДКРИТО ПЕРЕДПЛАТУ НА 2020 РІК

РАЗМИНКА ЗАКОНЧИЛАСЬ ІГРА

КОМПЛЕКТ: "СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА" + "СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА. СПЕЦВЫПУСК"

ИНДЕКС 49542

**3 міс. - 65,25 грн.
6 міс. - 130,50 грн.
12 міс. - 261 грн.**

Ф. СП-1

Міністерство транспорту та зв'язку України														
АБОНЕМЕНТ на журнал														
(найменування видання)										(індекс видання)				
на 2020 рік по місяцях										Кількість компл.				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12			
Куди (поштовий індекс) (адреса)														
Кому: (прізвище, ініціали)														
<div style="display: flex; justify-content: space-between;"> <div> <table border="1" style="border-collapse: collapse;"> <tr> <td>ПВ</td> <td>місце</td> <td>літер</td> </tr> </table> </div> <div> ДОСТАВКА КАРТКА-ДОРУЧЕННЯ на журнал (індекс видання) </div> </div>												ПВ	місце	літер
ПВ	місце	літер												
(найменування видання)														
Вартість передплата										Кількість компл.				
на 2020 рік по місяцях														
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12			
<div style="display: flex; justify-content: space-between;"> <div> поштовий індекс код вулиці буд. корп. кв. </div> <div> місто село область район вулиця прізвище, ініціали </div> </div>														

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА»

ИНДЕКС 35257

**3 міс. - 37,77 грн.
6 міс. - 75,54 грн.
12 міс. - 151,08 грн.**

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА. СПЕЦВЫПУСК»

ИНДЕКС 49056

**3 міс. - 32,07 грн.
6 міс. - 64,14 грн.
12 міс. - 128,28 грн.**

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА ЛЬГОТНЫЙ»
(Для передплатників попереднього періода та пенсіонерів)

ИНДЕКС 37104

**3 міс. - 35,34 грн.
6 міс. - 70,68 грн.
12 міс. - 141,36 грн.**

Сергей НЕЧАЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

Конечно же, это был Муамар Каддафи. Но разве независимые специалисты проводили экспертизу его ДНК? Нет, не проводили. Более того, убитого тайно захоронили где-то в пустыне...

Поэтому и возникло предположение, что всему миру показывали двойника полковника, то есть человека, очень похожего на главу Ливийского государства. А их (двойников) у него якобы было очень много — целое подразделение службы безопасности. Некоторые аналитики даже уверяют теперь, что Каддафи жив-здоров, находится в одной из африканских стран и ждет своего часа.

Можно как угодно относиться к подобному рода утверждениям, но в целом факт остается фактом — практика использования царствующими особами двойников известна с незапамятных времен. Считается, что двойники были и у Сталина, и у Гитлера, и у Ким Ир Сена, и у Саддама Хусейна...

Да и в более отдаленной истории есть примеры, когда обстоятельства смерти диктатора так и остаются невыясненными. На протяжении столетий. Например, над загадочной смерти императора Наполеона I человечество бьется уже почти двести лет.

ФЕЛИКС, ОТЕЦ ИЛЛАРИОН И ДРУГИЕ

Есть как минимум три легенды, гласящих, что Наполеон бежал с острова Святой Елены и закончил свои дни в Европе.

Одно из преданий рассказывает, что 7 августа 1815 года, когда корабль, увозивший Наполеона к месту ссылки, должен был пересекать экватор, в одной из деревушек Французских Альп появился весьма странный человек. Жители деревни, видевшие Наполеона в годы его славы, признали в нем своего императора, однако он представился Феликсом. Королевские жандармы сразу бросились по его следам, арестовали и поместили в тюрьму Вьенн-ан-Дофинэ. На этом следы Наполеона-Феликса теряются, так как никаких документов, связанных с арестом, найдено не было...

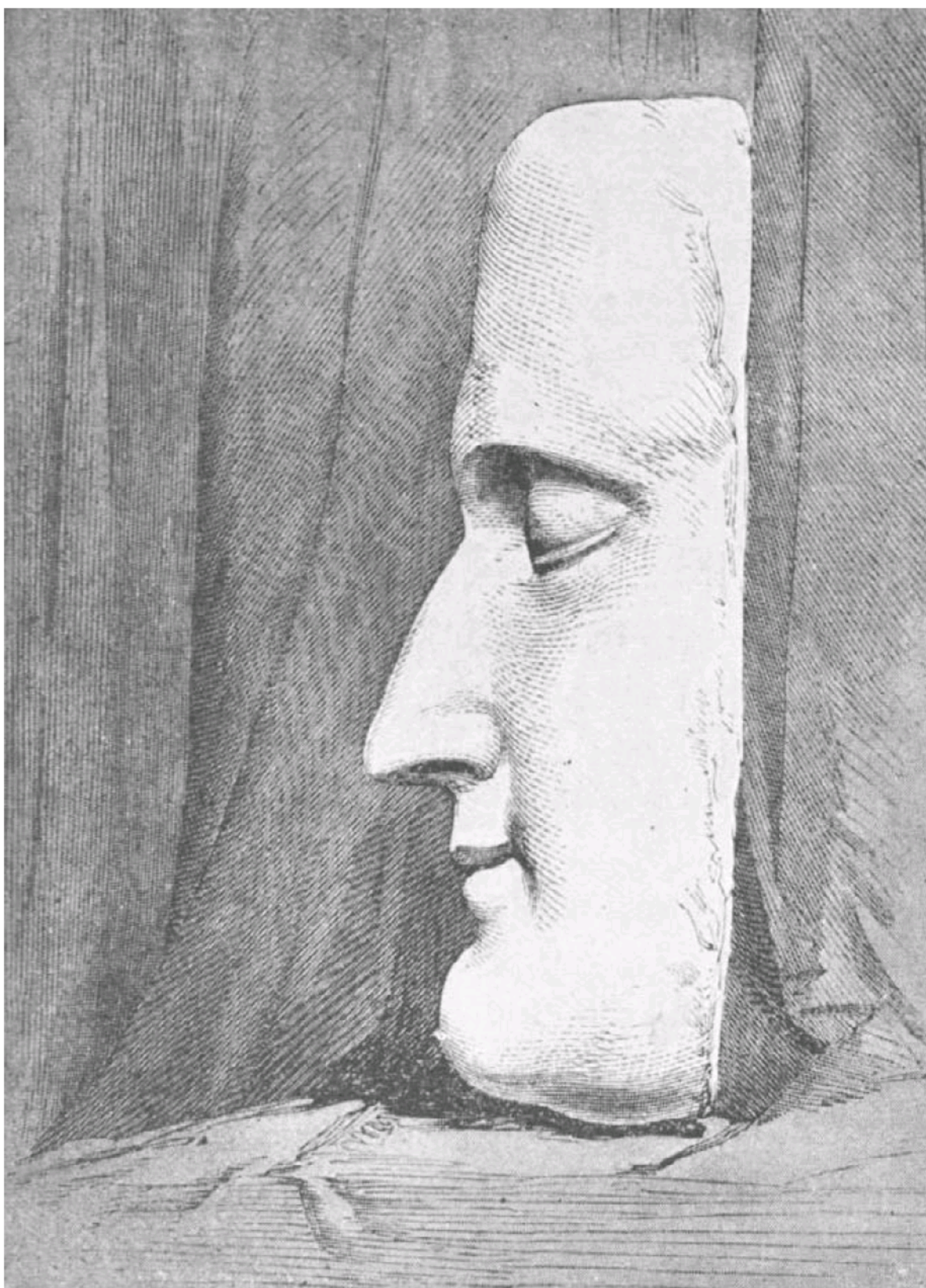
Другое предание основано на показаниях, данных в 1822 году Арманом Маркизэ, секретарем префектуры города Манд. Он рассказывал, что узнал о проживании в окрестностях города некоего священника, которого звали отец Илларион. Население окружающих деревень почему-то преклонялось перед этим священником и произносило его имя с величайшим страхом. Заинтригованный Маркизэ начал наводить справки и вскоре узнал, что таинственный священник появился неизвестно откуда и купил себе полуразрушенный замок недалеко от города. Жители деревень шептались о том, что священник — это их бывший император. Маркизэ в сопровождении префекта и капитана жандармерии отправился убедиться или разувериться в этом лично. Отец Илларион встретил их на дороге во главе конного эскорта людей в таких же, как и у него, монашеских сутанах. Все они на удивление хорошо держались в седле. Но еще больше Маркизэ был изумлен потрясающим внешним сходством отца Иллариона с Наполеоном...

Третье предание гласит, что 5 мая 1821 года на острове Святой Елены умер не Наполеон, а капрал наполеоновской армии Робо, удивительно похожий на Наполеона. Сам же император остаток жизни якобы провел в Италии.

«МЫ ВСЕ ГЛЯДИМ В НАПОЛЕОНЫ...»

Достоверно известно, что с самого начала своего правления Наполеон отдал приказ искать своих двойников по всей Европе. В результате разыскали четверых. Впоследствии их судьба сложилась по-разному: с одним вскоре приключилось несчастье, он упал с лошади и стал ни на что не годным калеккой, второй оказался слабоумным, третий долгое время тайно сопровождал императора, но был убит при невыясненных

СКОЛЬКО БЫЛО

ПОДДЕЛЬНЫХ ИМПЕРАТОРОВ?

В последнее время в СМИ стало появляться все больше сообщений о том, что якобы Муамар Каддафи (государственный деятель, верховный главнокомандующий Вооруженными силами Ливии и лидер Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии) не был убит 20 октября 2011 года. Но кто же тогда, будучи раненым, был схвачен повстанцами при попытке вырваться из осажденного города Сирта? Кого с залитым кровью лицом показывали по всем телеканалам мира? Кого так долго пытали и кто в последние минуты своей жизни призывал мучителей одуматься? И чье тело потом было выставлено на всеобщее обозрение в промышленном холодильнике для овощей в торговом центре в Мисурате?

обстоятельствах. Судьба четвертого двойника императора — Франсуа-Эжена Робо (François-Eugène Robeau) — наиболее интересна и загадочна.

В ряде источников утверждается, что этот человек родился в 1775 году в небольшом городке Балекур, что в департаменте Мёз, в шести километрах от Вердена. В 1793 году он записался добровольцем в 1-й батальон егерей своего департамента и ушел на войну. Он был младше Наполеона на шесть лет, но вероятно похож на него. В конце концов на это обратили внимание, и его полковник представил капрала Робо своему начальству, которое, в свою очередь, отправило его к министру полиции Фуше, ведавшему подобными вопросами...

Больше о Робо долгое время никто ничего не слышал.

Как известно, после поражения при Ватерлоо Наполеон отрекся от престола и был сослан на далекий остров Святой Елены. А ставший никому не нужным его двойник вернулся в свой дом в Балекуре.

Тихая провинциальная жизнь текла вяло и однообразно. Но вдруг (это было в 1818 году) в Балекуре произошло нечто весьма необычное: к деревенскому дому Робо подъехала роскошная карета — из тех, что нечасто случалось увидеть в тех краях. Именно поэтому она и запомнилась многим. Кто находился в этой карете за задернутой занавеской окном — неизвестно. Во всяком случае, карета простояла у дома не меньше двух часов. Хозяин дома потом рассказывал соседям, что приезжавший к нему человек сначала хотел купить у него кроликов, потом долго уговаривал его поохотиться вместе, но он, якобы, не согласился. А через несколько дней Франсуа-Эжен Робо исчез из городка вместе со своей сестрой.

Позднее власти спохватились и принялись разыскивать бывшего двойника императора. В итоге они нашли лишь его сестру, которая жила в Нанте, причем в непонятно откуда взявшейся роскоши. Она заявила, будто деньги дал ей брат, который отправился в далекую поездку, а куда именно, она не знает: «Нанялся в матросы и ушел в море, плавает где-то...»

СТРАННЫЙ «КОММЕРСАНТ»

Вскоре после исчезновения Франсуа-Эжена Робо в итальянской Вероне было замечено появление некоего француза Ревара, открывшего вместе со своим компаньоном небольшой магазин. Именно благодаря этому компаньону, купцу Петруччи, месье Ревар в памяти потомков оставил довольно заметный след.

А тем временем знаменитый пленник на острове Святой Елены вдруг стал очень забывчив и начал путать в рассказах очевидные факты из своей прежней жизни. И его почерк неожиданно сильно изменился, а сам он сделался весьма тучным и неуклюжим. Официальные власти приписали это воздействию не слишком комфортных условий заключения на богом забытом острове.

Поведение приезжего француза Ревара в Вероне также было весьма странным: он редко показывался в своем магазине, а на улицу вообще почти не выходил. При этом все соседи заметили, что он был очень похож на портреты Наполеона, и дали ему прозвище «Император». Сам Ревар отзывался на такое обращение лишь сдержанной улыбкой. Что касается коммерции, то, по словам Петруччи, его компаньон не имел к ней ни малейшего таланта. Когда оказывалось, что очередное начинание приносит ему лишь убыток, это его несколько не огорчало. К деньгам он был, похоже, безразличен, и оставалось гадать, почему он выбрал именно этот род занятий. Так продолжалось несколько лет.

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ МОЛЧАНИЯ

5 мая 1821 года на острове Святой Елены, согласно официальной версии, скончался Наполеон Бонапарт. А 23 августа 1823 года похожий на него как две капли воды владелец магазина Ревар бросил дела и навсегда покинул Верону.

Произошло это при весьма странных обстоятельствах. В полдень в дверь магазина, где оба компаньона находились в тот час,

постучал посыльный. Убедившись, что перед ним именно господин Ревар, посыльный вручил ему скрепленное сургучной печатью письмо. Прочтя его, Ревар взволнованно сообщил Петруччи, что неотложные обстоятельства вынуждают его уехать, и отправился домой собираться в дорогу.

Часа через два он вернулся налегке, без багажа. Карета, в которой прибыл посыльный, все еще ждала его у крыльца. Прощаясь, Ревар оставил своему компаньону конверт: если через три месяца он почему-либо не вернется, Петруччи должен был доставить письмо по назначению.

Когда стук колес кареты по каменной мостовой затих, Петруччи взглянул на конверт. На нем было начертано: «Его Величеству Королью Франции».

Ни три месяца спустя, ни вообще когда-либо Ревар в Верону не возвратился. Следуя данному обещанию, Петруччи отправился в Париж и передал письмо королю Франции. За хлопоты свои он был вознагражден, причем необъяснимо щедро. Что касается пребывания при французском дворе, то Петруччи о нем предпочел умолчать. И молчал почти тридцать лет.

Спустя много лет он неожиданно явился к должностным лицам Вероны и сделал чрезвычайно важное заявление, подтвержденное клятвой. Каждое слово его было зафиксировано писарем, и под документом, как и положено, расписались сам Петруччи, должностные лица и свидетели. Последней фразой в документе было утверждение, что компаньоном Петруччи в течение пяти лет был не кто иной, как Наполеон Бонапарт.

СМЕРТЬ ПОД ЗАБОРОМ

Что стало с Реваром-Наполеоном после того, как он покинул Верону, с достоверностью сказать невозможно. А вот некоторые биографы императора утверждают, что Наполеон закончил свои дни в пригороде Вены, в ночь на 4 сентября все того же 1823 года.

В ту осень в Шёнбруннском замке близ Вены умирал от скарлатины законный сын Наполеона. В злополучную ночь часовой, охранявший замок, застрелил какого-то незнакомца, пытавшегося перелезть через каменную дворцовую ограду. Когда представители властей осмотрели убитого, при котором не было обнаружено никаких документов, полиция немедленно оцепила замок. Зачем? Никаких объяснений не последовало.

По настоятельной просьбе бывшей императрицы Марии-Луизы тело убитого незнакомца похоронили на территории замка рядом с тем местом, которое было предназначено для погребения жены и сына Наполеона. Этот интригующий рассказ с некоторыми вариациями был не раз использован в литературе.

Если это действительно был Наполеон, то его двойнику, Франсуа-Эжену Робо, повезло больше: его смерть, похоже, не была насильственной. По версии проживавшего в Лондоне журналиста-историка Александра Горбовского, в церковной книге родного городка двойника сохранилась запись: «Франсуа-Эжен Робо родился здесь... Умер на острове Святой Елены...» Дата смерти, однако, была стерта. Единственной причиной, почему кто-то счел нужным сделать это, может быть совпадение этой даты с днем смерти Наполеона, считает историк.

ТАИНСТВЕННЫЙ ПАРУСНИК

Понятно, что у всех этих красивых легенд нет и не может быть никаких официальных подтверждений. Есть только косвенные факты, которые мы и попытаемся проанализировать.

Если ничего этого не было и в 1821 году на острове Святой Елены умер настоящий Наполеон Бонапарт, то как тогда можно объяснить тот факт, что в 1817–1818 годах остров под разными предлогами покинули многие ближайшие лица из окружения императора: секретарь Эммануэль де Лас Каз, генерал Гаспар Гурго, потом сразу шестеро слуг, а также слуги приближенных Наполеона? Известно, что к середине 1819 года на острове осталась только половина из живших там ранее французев.

Кроме того, некоторые биографы Напо-

леона цитируют письмо жены генерала Анри-Грасьена Бертрана, который был одним из сподвижников императора и вместе с женой сопровождал его в изгнании. Датируется это письмо 25 августа 1818 года, и в нем есть странная фраза: «Победа, победа! Наполеон покинул остров». И все. Ни комментариев, ни пояснений. Тот, кому было адресовано письмо, в пояснениях, видимо, не нуждался.

А незадолго до того, как это странное письмо было написано, вблизи острова появился и стал на рейд быстроходный американский парусник, что вызвало большую тревогу у англичан. Дело не только в том, что само поведение парусника вызвало их подозрение, но и в том, что в случае каких-то осложнений ни один из бывших поблизости

повторили на Святой Елене. Трудно поверить, что такой человек, как Наполеон, был готов смириться со своей участью. Он решил покинуть остров, но так, чтобы тюремщики и после его бегства не заподозрили этого. Наполеон совершенно сознательно обострял отношения с английским губернатором и его чиновниками, разыгрывая сцены гнева, с тем, чтобы держать своих стражников подальше от Лонгвуда...

Бонапартисты не раз делали попытки организовать бегство Наполеона. Одну из них, в частности, предприняла его бывшая любовница Полина Фурес, для которой после разрыва Наполеон нашел нового богатого мужа — отставного офицера Анри де Раншу, тут же сделанного консулом в испанском Сантадере, а затем в Швеции.

Похороны Наполеона?

английских кораблей не смог бы угнаться за «американцем».

Вполне вероятно, что на этом корабле на остров прибыл двойник Робо, и уехал сам Наполеон.

Но двойник (таково уж его предназначение) должен был умереть. Это было важно как для самой «наполеоновской легенды», так и для спасения участников побега от преследований.

Это может показаться удивительным, но двоюродный дядя Наполеона кардинал Жозеф Феш и мать императора Летиция в 1818–1819 годах действительно были уверены, что узник острова Святой Елены сумел спастись бегством. Именно поэтому они отвергли возможность направить к Наполеону первоклассных медиков, что было связано с немалыми расходами, и послали взамен лишь молодого доктора Франческо Антоммарки. Мадам Летиция, ничего не жалевавшая для своих детей, конечно же, не хотела тратить на лечение какого-то двойника, подменившего ее великого сына.

Послушаем теперь другие доводы сторонников этой теории, например Томаса Уиллера, автора книги «Кто покойся здесь. Новое исследование о последних годах Наполеона» (Нью-Йорк, 1974).

Автор книги подчеркивает, что у Наполеона уже имелся опыт незаметного исчезновения с острова — побег в 1815 году с Эльбы. Подготовка к этому бегству включала использование приемов, позволивших обмануть вражеских лазутчиков, которых подсылал к Наполеону британский комиссар на Эльбе Кэмпбелл. То же самое делал и губернатор острова Святой Елены генерал Хадсон Лоу, просто помешанный на шпионаже.

Поскольку секреты приготовления к бегству с Эльбы так и не были раскрыты, их

Графиня де Раншу (как стала именовать себя Полина) в 1816 году приехала в Рио-де-Жанейро со своим любовником Жаном-Огюстом Белларом и купила там корабль, предназначавшийся для спасения Наполеона. Несмотря на неудачу этой попытки, Полина еще долгое время продолжала действовать вместе с другими бонапартистами в Бразилии и умерла 18 марта 1869 года, пережив Наполеона почти на полвека.

Наполеон получал от своих сторонников еще несколько предложений о побеге (широко известен, например, предлагавшийся вариант спасения на подводной лодке изобретателя Роберта Фултона). Но он неизменно отвергал их. Не потому ли, что имел в запасе другой, более надежный вариант?

ПОЧЕСТИ НЕ ПО АДРЕСУ

К сожалению, версия о подмене Наполеона на Франсуа-Эжена Робо не подтверждена никакими доказательствами. Все документальные свидетельства, которые приводились ее приверженцами (например, запись в архиве Балеюкура о том, что тот умер на острове Святой Елены), при проверке оказались вымыслом.

Страдает версия и явными противоречиями. Робо, в частности, уехал из Балеюкура в конце 1818 года, между тем болезнь, которая свела в могилу Наполеона, обнаружилась еще за год до этого, в октябре 1817 года. Да и бумаги, которые писал и диктовал Наполеон в последние годы, и даже месяцы, жизни, свидетельствовали о знании сотен вещей, множестве подробностей, деталей, которые могли быть известны только императору, а никак не его двойнику.

Что же касается человека, убитого в Шёнбруннском замке, то в 1823 году Наполеон достиг бы 54-летнего возраста, и вряд ли этот тучный и не отличавшийся атлетическими данными человек мог бы

перелезть ночью через высокий каменный забор, окружавший замок.

Но все же главным аргументом, подтверждающим версию о том, что в 1821 году на острове Святой Елены был захоронен не Наполеон, а кто-то другой, является гипотеза французского историка Жоржа Ретиф де ла Бретонна, развитая в последние годы исследователем наполеоновской эпохи Брюно Руа-Анри.

Суть этой гипотезы, сделанной Ретиф де ла Бретонном в 1969 году в книге «Англичане, верните нам Наполеона», состоит в том, что англичане якобы подменили тело умершего Наполеона или того, кто выдавал себя за Наполеона, трупом бывшего домоправителя императора Франческо Киприани. В 1818 году этот корсиканец был уличен в шпиона-

же в пользу англичан и исчез при таинственных обстоятельствах. Во всяком случае, его могила на острове так и не была обнаружена. По мнению французского историка, в 1840 году в Париж были торжественно перенесены именно останки этого самого Киприани, а не Наполеона (от себя добавим: или того, кто выдавал себя за Наполеона).

В подтверждение своей гипотезы Ретиф де ла Бретонн приводит несколько доводов, важнейшим из которых являются отсутствие в 1840 году некоторых элементов униформы и наград покойного по сравнению с тем, что у него было в 1821 году. В частности, указывается на отсутствие одного из орденов, перечислявшихся камердинером Маршаном, и шпор, которых не увидел ни один из участников эксгумации в 1840 году, хотя в 1821 году они были.

В «Мемуарах» Маршана четко сказано, что на императоре была «зеленая униформа с красной отделкой гвардейских егерей, украшенная орденами Почетного Легиона, орденом Железной Короны, орденом Воссоединения, знаком Большого Орла и лентой Почетного Легиона». В 1840 году ордена Воссоединения на мундире покойного не было. Тот же Маршан отмечает, что на Наполеоне были «сапоги для верховой езды», то есть со шпорами. Также на наличие шпор указывает и генерал Бертран. В 1840 году сапоги были уже без шпор. Кроме того, положение вышеописанных знаков отличия, описанных всегда точным генералом Бертраном, было существенно нарушено.

Руа-Анри, продолжающий дело Ретифа де ла Бретонна, также уверен, что в Доме инвалидов в центре Парижа торжественно покойся отнюдь не Наполеон. Доказательствам этого полностью посвящена его книга «Тайна эксгумации 1840 года», вышедшая в Париже в 2000 году.

Доводом Руа-Анри, дополняющим вышеперечисленные доводы, является анализ положения коленей императора при эксгума-

Слева: Наполеон на смертном одре.
Верне (1826)
Вверху: посмертная маска Наполеона

Вверху: Бюст Наполеона. Канова (после 1802)
Справа внизу: Наполеон на острове Святой Елены.

этом оказался немного выше ростом.

Также в 1840 году не было обнаружено шелковых чулок на ногах покойного, которые, по свидетельству того же Маршана, были надеты на ноги императора под сапоги. Не могли же они исчезнуть сами по себе?

И, наконец, императорская посмертная гипсовая маска, сделанная доктором Антоммарки, чья же она на самом деле?

Руа-Анри утверждает, что она фальшивая, ибо содержит темные волоски от примерно трехдневной щетины (3–5 мм), в то время как Наполеон был тщательно выбрит.

В Музее Лозанны (Швейцария) выставлены на всеобщее обозрение посмертная маска Наполеона и локон его волос. Маска в 1848 году была передана музею Жаном-Абрахамом Новерра, одним из слуг императора на острове Святой Елены, которого тот называл «своим швейцарским медведем» и которому перед смертью отдал на хранение предметы своего обихода. Локон волос якобы был сострижен после кончины Наполеона и, как и маска, тоже попал в руки Новерра, который, в свою очередь, передал его лозаннскому ювелиру Марку Жели (когда-то он работал в Париже в ювелирной мастерской Наполеона, и именно этим объясняется столь великодушный жест со стороны бывшего слуги). В музей локон попал в 1901 году от родственника Жели.

Журналисты швейцарской газеты *Matin Dimanche*, проведя собственное расследование, выяснили, что существует еще одна прядь, до недавнего времени хранившаяся за

семью печатями у жителя Лозанны Эдгара Новерра, потомка Жана-Абрахама Новерра. Результаты сравнения волос были ошеломляющими. Локоны оказались совершенно разными: первый был светло-русый, тонкий и шелковистый, как у ребенка, второй — черный и густой. И какой из них настоящий?

Ученые могут до бесконечности спорить о причинах смерти Наполеона, анализируя процентное содержание мышьяка в его волосах, но все это не будет иметь никакого смысла до тех пор, пока не будет точно установлено, какой из локонов был срезан в 1821 году у Наполеона и был ли этот умерший на самом деле Наполеоном?

Относительно посмертной маски Руа-Анри, например, уверен, что она принадлежит не императору, а, возможно, Франческо Киприани, также корсиканцу, очень похожему на Наполеона Бонапарта времен Итальянской кампании и экспедиции в Египет.

ПОСМЕРТНЫЕ МАСКИ... НО ЧЬИ?

Остановимся на этом подробнее. Как известно, существует множество так называемых посмертных гипсовых масок Наполеона. Но действительно посмертной была только одна, сделанная доктором Антоммарки непосредственно на острове Святой Елены. Слепок головы императора был им выполнен 7 мая 1821 года в четыре часа вечера в присутствии британского военного медика Фрэнсиса Бартона из глины плохого качества, найденной на острове. Гипсовый отпечаток состоял

из трех частей: первая часть включала в себя непосредственно лицо, вторая — подбородок и шею, третья — верхнюю часть лба, а также верхнюю и заднюю части черепа.

8 мая выяснилось, что первая часть маски куда-то пропала. Есть предположение, что она была похищена мадам Бертран, женой генерала Бертрана, а затем передана доктору Антоммарки. Бартон же покинул остров лишь с двумя оставшимися частями маски.

Оставшийся на острове Антоммарки попробовал на базе имевшейся у него части восстановить маску полностью, используя для этого предсмертные рисунки, сделанные английским художником Рубиджем.

Именно эта маска и признана сейчас наиболее достоверной, так как все остальные являются либо ее копиями, либо самодеятельными реконструкциями. Именно она и выставлена в Париже в музее Дома инвалидов.

Но в этой истории есть много непонятного.

Во-первых, как утверждает Руа-Анри, доктор Антоммарки существенно приукрасил лицевую часть маски, продавая ее копии налево и направо.

Во-вторых: а кто, собственно, доказал, что эта, пусть даже приукрашенная, маска является маской самого Наполеона? Известно, что все присутствовавшие при кончине императора отмечали, что в первые часы после смерти тот выглядел помолодевшим.

Тот же Бертран, в частности, писал: «В восемь часов стали готовиться делать гипсовую маску императора, но под руками не оказалось всего необходимого. Император казался моложе, чем он был на самом деле: казалось, что ему не более сорока лет. К четырем часам вечера он уже выглядел старше своих лет». Описанное Бертраном относится к вечеру 6 мая. А ровно через сутки Бертран констатировал: «В четыре часа вечера была сделана гипсовая маска императора, который уже был полностью обезображен и издавал неприятный запах».

Как в таких обстоятельствах можно утверждать, что дошедшая до наших дней маска является маской именно Наполеона, ведь она представляет собой лицо относительно молодого человека, а не шестидесятилетнего больного старика?

В-третьих, согласно доктору Антоммарки, размер головы Наполеона составлял 56,20 см. Но, по данным Констана, слуги Наполеона, работавшего у него 14 лет и отвечавшего за пошив шляп, размер головы императора составлял 59,65 см!

Короче говоря, мы, возможно, так никогда и не узнаем, чья же маска выставляется в музеях как маска императора (Робо, Киприани или кого-то другого), но то, что она не является маской императора, похоже, является фактом. Точно так же мы, похоже, никогда не узнаем, кто покоится в Доме инвалидов в Париже — Наполеон или кто-то из его двойников.

Можно, конечно, провести очередную эксгумацию тела и осуществить анализ ДНК покойного, сопоставив его с анализами ДНК прямых потомков Наполеона. Но пока официальные власти даже не позволяют думать на эту тему. ■

ции. Они были чуть согнуты, якобы для того, чтобы поместить тело в узкий гроб. Но гроб имел длину 1,78 м, а рост Наполеона составлял 1,69 м, то есть никакой необходимости сгибать колени не было! Оставшиеся 10 см, даже если оставить 4 см на высоту каблучков, вполне позволяли телу императора лежать, вытянувшись во весь рост. И он лежал во весь рост в 1821 году, никто из свидетелей захоронения ни разу не отмечал подобной проблемы.

Довод о том, что колени покойного могли согнуться сами при неосторожной переноске гроба английскими гренадерами, не выдерживает критики: император умер 5 мая, а гроб переносили для погребения 9 мая, то есть через четыре дня.

Еще один важный момент: по свидетельствам доктора Франческо Антоммарки и губернатора острова Хадсона Лоу, серебряные сосуды, содержащие сердце и желудок императора, в 1821 году были помещены по краям гроба (свободное место позволяло сделать это), а в 1840 году при эксгумации они были обнаружены под согнутыми коленями покойного, который при

УБИТЬ МАРШАЛА

НЕКОТОРЫЕ ВОЕНАЧАЛЬНИКИ НАПОЛЕОНА УМИРАЛИ ПРИ ЗАГАДОЧНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Сергей НЕЧАЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

Наполеоновский маршал Луи Александр Бертье погиб «при неясных обстоятельствах» 1 июня 1815 года. Ему было неполных 52 года, и он выпал из верхнего окна своего замка. Что это было? Несчастный случай? Самоубийство? Убийство? Не менее загадочная смерть имела место 22 апреля 1806 года, когда наполеоновский адмирал Пьер-Шарль де Вильнёв был найден мертвым в Ренне, в своем номере гостиницы «Отель де Патри». Самоубийство – дало тогда заключение официальное расследование. Убийство, несмотря ни на что, провозгласило общественное мнение.

Конечно же, версия убийства является самой желанной для историка, ведь маршал, прошедший вместе с Наполеоном практически все кампании, отличившийся при Аустерлице, Ваграме, Бородино и во многих других сражениях, просто не имеет права умереть, поперхнувшись косточкой, или утонуть, купаясь в ванне.

Если «правая рука Наполеона», его бесменный начальник штаба, который в любое время дня и ночи мог дать справку о том, где находится тот или иной полк, ни с того ни с сего падает с третьего этажа, то это, конечно же, должно быть результатом происков каких-либо тайных агентов или наемных убийц. В биографическом словаре «Наполеоновские войны» в статье о Бертье так и говорится: «По одной, наиболее распространенной, версии он совершил самоубийство в припадке безумия, по другой – убит членами тайного революционного общества».

Убит членами тайного революционного общества... Как это романтично! Но какое революционное общество могло быть в 1815 году, и что оно могло иметь против Бертье, отошедшего от дел и спокойно жившего вместе со своей семьей?

Прямых доказательств убийства маршала Бертье нет и, в принципе, быть не может. Есть лишь несколько странных фактов, на которые и хотелось бы обратить внимание.

Во-первых, высота окна в Бамбергском замке – больше метра от пола. Это примерно уровень солнечного сплетения человека среднего роста, и очень сложно выпасть из такого окна случайно. Для этого нужно либо очень захотеть этого, либо чтобы кто-то помог это сделать.

Во-вторых, уставший от бесконечных войн маршал, наконец-то, вернулся к себе домой. Его жена (племянница короля Баварии) вот-вот должна была родить ему третьего ребенка. Маловероятно, что в такой обстановке человек вдруг будет выбрасываться из окна собственного дома. В крайнем случае его на это должны толкнуть лишь самые чрезвычайные обстоятельства.

ДУШЕВНЫЕ МУКИ БЕРТЬЕ

В 1815 году, после бегства Наполеона с острова Эльба, Бертье не присоединился к нему, как это сделали многие его боевые товарищи, а отправился с королем Людовиком XVIII в Гент, за что император 14 апреля исключил его из числа своих маршалов. В Бельгии 22 мая Бертье получил отставку и уехал в Бамберг, чтобы соединиться там со своей семьей.

А в 1814 году Бертье был среди тех, кто настаивал на отречении императора. И он одним из первых оставил Наполеона и перешел на сторону Бурбонов. Уставший от бесконечных походов и сражений, он просто бежал из лагеря императора, найдя для этого какой-то малозначимый предлог. Ему

все надоело. Он воевал уже больше 30 лет. Он почти не видел своих жену и детей. С другой стороны, он был человеком долга.

Его душевное состояние очень точно описывает историк Рональд Делдерфилд: «Каждому, кто готов был слушать, он объяснял, что не спасается от Наполеона, а просто улаживает некоторые свои домашние дела. Но страшная мысль, что его могут принять за труса, уже превратилась у него в навязчивую идею, и, прибыв в Бамберг, он все еще не мог решить, к какому берегу пристать».

На душе Бертье с каждым днем становилось все тяжелее. Опять начиналась война, а он впервые в жизни собрался наблюдать за схваткой со стороны... Наполеон будет сражаться, а его начальник штаба не присоединится к своему императору... Конечно же, Наполеон принял бы своего верного соратника с распростертыми объятиями. Но Бертье не хотел больше воевать...

ВЫПАЛ ИЗ ОКНА СОБСТВЕННОГО ДОМА...

Непосредственно смерть Бертье 1 июня 1815 года бывший управляющий императорского дворца Луи Франсуа де Боссэ в своих «Мемуарах» описывает так: «Услышав музыку русского полка, проходившего под окнами дворца, он подошел к окну салона, но толстые стены и подоконник позволили ему с трудом увидеть лишь часть улицы, тогда он встал на стул и подал корпус вперед...»

Но можно ли всерьез говорить о том, что взрослый и вполне здоровый человек так заинтересовался прохождением по улице колонны войск, что вывалился из окна и разбился насмерть?

ТОГДА – УБИЙСТВО?

Историк В. Н. Шиканов пишет: «Луи Александр Бертье упал из окна дома, в котором он проживал. Маршал умер мгновенно. Что это было: самоубийство или несчастный случай? Некоторые говорят и о преднамеренном убийстве, совершенном таинственными людьми в масках».

Но за что и кому было убивать Бертье? Наполеону – за то, что он изменил ему? Но тогда ему нужно было убивать многих своих маршалов. Врагам Наполеона – для того, чтобы Бертье не присоединился в последний момент к Наполеону? На это намекает в знаменитом «Наполеоновском словаре» Тюлара автор статьи о маршале Бертье генерал Гамбье.

Он пишет: «Чтобы помешать ему присоединиться к императору, союзники удерживали его в качестве пленника. В этом контексте он и нашел свою смерть».

ТАЙНА, КОТОРУЮ НА СВОЮ БЕДУ ЗНАЛ БЕРТЬЕ

Далее рассказывается история, которая переносит нас в 1811 год. Как известно, Наполеон, думая об официальном потомстве, женился на Марии-Луизе, дочери австрийского импера-

тора Франца. И усилия его увенчались успехом: уже в августе молодая императрица объявила ему о том, что она беременна.

19 марта 1811 года Мария-Луиза почувствовала первые схватки. Срочно вызванный хирург Дюбуа, осмотрев роженицу, заявил, что дела обстоят очень серьезно и, возможно, придется делать выбор между матерью и ребенком.

В ответ на это Наполеон твердым голосом заявил:

– Спасите мать! Если она останется жива, у нас еще будут другие дети!

О том, что произошло дальше, подробно рассказано в вышеуказанных «Мемуарах»: «Ребенок пошел ногами вперед; а так как голова была огромна, его появление на свет оказалось мучительным. Он был черен и испещрен синяками. Его положили на руки мадам Блез, сиделки, которая, завернув его в салфетки, пропитанные водкой, сказала, что ребенок мертв. Это предположение слышали еще двенадцать-пятнадцать человек, находившихся поблизости. Император вскочил, грубо схватил ребенка и положил, а лучше сказать бросил, его на передник одной из горничных императрицы, которая тут же укрыла его. В этот момент створки двери открылись и объявили о прибытии его превосходительства господина архиканцлера, явившегося констатировать пол ребенка».

Прервем рассказ, чтобы сделать некоторые пояснения. Камбасерес, архиканцлер и первый юрист империи, должен был быть один. В его обязанности входила регистрация предстоящего важнейшего события, но все заметили, что, вопреки всякому протоколу, маршал Бертье тоже вошел вместе с ним в комнату, где рожала Мария-Луиза.

Далее в «Мемуарах» говорится: «Князь (Бертье был князем Невшатальским. – Авт.), очень привязанный к императору и проводивший всю ночь в кресле в соседней комнате, был укутан в широкий плащ».

Наполеон сделал несколько шагов навстречу своему другу и сказал полушутливо-полутайно: «Принимаю ваши поздравления, Невшаталь, хотя я и мало заслуживаю их, ведь уверяют, что ребенок мертв». Князь чуть отступил назад, выражая свое изумление. Камбасерес повернул-

Мария-Луиза Австрийская, дочь австрийского императора Франца

ся таким образом, что укрыл своей тенью женщину, державшую ребенка, завернутого в передник. Князь Невшателский подошел к этой женщине, приподнял передник, наклонился и правой рукой откинул полу своего плаща. В этот же момент раздался слабый крик, и женщина объявила, что это кричит новорожденный».

В книге барона де Тири «Римский король» версия о том, что ребенок поначалу родился мертвым, подтверждается следующим абзацем: «Император устремился в комнату и обнял Марию-Луизу, бросив взгляд на Римского короля (сына Наполеона. – Авт.), лежавшего без движений и казавшегося мертвым. Мадам де Монтескьё начала растирать его, влила ему в рот несколько капель водки, завернула в теплое белье. Через семь минут король испустил первый крик».

Все эти рассказы о не подававшем признаков жизни ребенке являются вариациями воспоминаний секретаря Наполеона Клода-Франсуа Меневалья. И информация о пресловутых семи минутах также взята отсюда же. Но никакого упоминания о неожиданном появлении Бертье у Меневалья нет.

Однако продолжим чтение «Мемуаров». После того как новорожденный закричал, Камбасерес подошел поближе и громко объявил, что родился мальчик. Ему было дано имя Наполеон Франсуа Жозеф Шарль. Во время всей этой суматохи никто не заметил, как Бертье, вновь укутавшись в плащ, тихо вышел из комнаты. «Он не остановился в салоне, где до этого отдыхал, а встретил в соседней комнате человека, который, похоже, ждал его там, и они вышли вместе.

Далее, вместо того чтобы сесть в карету князя, которая ждала их на площади Карусель, они направились к воротам Лувра, где и расстались. <...> Вам ясна теперь суть всех этих загадок: ребенок был мертв, когда появился на свет. Князь Невшателский, заранее предупрежденный императором о смерти ребенка, поручил своему сообщнику найти замену, и тот, если верить некоторым предположениям, принес своего собственного сына, родившегося за несколько дней до этого. Этим объясняются большие размеры и удивительная сила мнимого Наполеона».

Версию о подмене ребенка подтверждает в своем «Журнале пятидесятилетней женщины» маркиза де ля Тур дю Пэн. Она пишет: «Император шел рядом с мадам де Монтескьё, которая несла ребенка, лежавшего на подушке из белого сатина с кружевами; его лицо было открыто. У меня было достаточно времени хорошо рассмотреть его, и у меня до сих пор остается убеждение, что этот ребенок родился не в то утро. Эту тайну нет необходимости раскрывать до конца, так как ее носитель прожил недолго. Но я была этим сильно взволнована и озабочена».

Все сказанное выше удивительно, но и дальнейший рассказ не менее невероятен и имеет прямое отношение к смерти Бертье. Как мы уже знаем, маршал не присоединился к Наполеону во время Ста дней. О произошедшем далее в «Мемуарах, посвященных жизни знаменитого человека», говорится так: якобы сообщник Бертье, став полковником, «начал возмущаться поведением князя Невшателского, считая его подлым предателем, и в источающем молнии письме принял угрожать ему раскрытием их страшного секрета».

Этот-то шантаж бывшего сообщника якобы и послужил причиной болезни, моральных мучений и, в конечном итоге, смерти Бертье, которую маршал счел для себя единственно возможным выходом из сложившегося положения. Понятно, что это всего лишь одна из гипотез, но, в любом случае, вывод из всей этой истории один: лучше находиться подальше от тайн сильных мира сего...

«СТРАННАЯ» СМЕРТЬ АДМИРАЛА ВИЛЬНЁВА

Не менее загадочная смерть имела место 22 апреля 1806 года, когда наполеоновский адмирал Пьер-Шарль де Вильнёв был найден мертвым в Ренне, в своем номере гостиницы «Отель де Патри». Самоубийство –

То самое окно в Бамберге

дало тогда заключение быстро законченное официальное расследование. Убийство – несмотря ни на что, провозгласило общественное мнение.

Не утихли споры вокруг этой «странной» смерти и по сей день. Более того, различные версии смерти адмирала продолжают множиться. В частности, Льюис Голдсмит в своей книге «Секретная история кабинета Сен-Клу» уверяет, что Вильнёв был убит четырьмя мамелюками из личной охраны Наполеона.

Английский врач Барри О'Мира, близко общавшийся с Наполеоном на острове Святой Елены, в своих воспоминаниях воспроизводит следующую версию смерти Вильнёва, якобы высказанную самим императором: «Вильнёв очень глубоко воспринял свое поражение. <...> Когда он вернулся во Францию, я приказал ему оставаться в Ренне и не приезжать в Париж. Вильнёв боялся предстать перед военным трибуналом за то, что ослушался моих приказов, и это привело к потере флота. Мои приказы состояли в том, чтобы не поднимать паруса и не ввязываться в бой с англичанами. Он решился на самоубийство. <...> Когда его комната была открыта, его нашли со стилетом в груди. <...> Он не должен был делать этого».

Понятно, что речь тут идет о печальном знаменитом поражении наполеоновского флота при Трафальгаре. Более подробно об этом будет рассказано ниже, а пока же отметим, что в полицейском отчете, составленном в Ренне, было сказано, что адмирал Вильнёв погиб от шести ударов ножом...

НАПОЛЕОН-ФЛОТОВОДЕЦ

На острове Святой Елены Наполеон признался: «В 1805 году у меня имелось 80 линейных кораблей, не считая фрегатов, но не было ни настоящих матросов, ни офицеров. <...> Вильнёв был хороший офицер, но, несмотря на это, делал одни только глупости. <...> Он покончил с собой на постоялом дворе в Ренне, и, как всегда, в этом обвинили меня».

Это удивительно, но, несмотря на то, что Франция всегда относилась к великим морским державам, военно-морская политика Наполеона до сих пор остается малопонятной.

Объясняется это, скорее всего, тем, что в годы революции была уничтожена база французского флота, а в годы империи

господство британцев на морях было уже столь подавляющим, что для Наполеона, привыкшего к победам на суше, развитие флота не представлялось приоритетным.

В результате, Франция очень скоро лишилась почти всех своих колоний. Можно даже сделать вывод, что для Наполеона военно-морской флот был чем-то второстепенным, и он утомлял его своим вниманием лишь эпизодически и не всегда, как говорится, по делу. В подобном положении роль наполеоновских адмиралов была незавидна. Если их сухопутные коллеги одерживали одну блестящую победу за другой, то они особых побед не имели и иметь не могли.

НАПОЛЕОНОВСКИЕ НЕЛЬСОНЫ

Драма Наполеона заключалась в том, что сам он мало что смыслил в морских делах, но и полностью доверить командование военно-морскими силами кому-то из профессионалов он не мог. Наполеон считал, что адмирала, способного противостоять великому Нельсону и британскому флоту, у него нет. Он даже попытался обратиться к адмиралу де Траверсе, эмигрировавшему после революции в Россию и командовавшему Черноморским флотом, но тот отклонил сделанное ему предложение.

Идея создания «французского Нельсона» не оставляла Наполеона. Но из кого его было делать? Не из сына же трактирщика Мюрата, которого в 1805 году император назначил Великим адмиралом? Не из непутевого же Жерома Бонапарта, которого он вдруг по-братски произвел в контр-адмиралы?

Наиболее известными адмиралами Наполеона были Брюи, Латуш-Тревилье, Брюэйс, Вилларе-Жуайёз, Гантом и Вильнёв. Первые двое были только что умерли. Брюэйс погиб в далеком 1798 году. Оставался Вилларе-Жуайёз, но ему в 1805 году исполнилось 58 лет, и он тогда находился на далекой Мартинике. Гантом был на восемь лет моложе, но и он возглавлял экспедицию на Антильские острова.

С другой стороны, весьма интересной личностью во французском флоте был «король корсаров» Сюркуф, который за свою карьеру захватил 47 английских судов. В июле 1804 года его заслуги даже были отмечены орденом Почетного Легиона, но все прекрасно понимают, что одно дело – атаковать торговые суда противника, и совсем другое дело – командовать большим военным флотом...

ВИЛЬНЁВ – САМЫЙ НЕВЕЗУЧИЙ ИЗ ФРАНЦУЗСКИХ АДМИРАЛОВ

Итак, реально оставался лишь Пьер-Шарль де Вильнёв – одна из самых трагических фигур наполеоновского флота.

Этот человек принадлежал к знатной дворянской фамилии и, поступив на флот, быстро стал продвигался по служебной лестнице, получив командование боевым кораблем в 1793 году и чин контр-адмирала в 1796 году. При этом он не раз имел шанс отличиться в морских сражениях, однако не воспользовался этими возможностями и оказался причастен к нескольким крупным провалам французского флота.

Прежде всего в конце 1796 года он должен был с пятью кораблями присоединиться к эскадре, предназначенной высадить в Ирландии войска генерала Гоша. Однако Вильнёв опоздал, и высадка десанта не состоялась.

Затем возможность сыграть большую историческую роль выпала Вильнёву во время Египетской экспедиции Наполеона Бонапарта. Однако там имело место поражение при Абукире 1 августа 1798 года. Морской бой длился много часов, но корабли Вильнёва так и не двинулись с места, что фактически предопределило разгром французов. Позднее он оправдывался тем, что в дыму не смог разобрать приказы командующего эскадрой.

Тем не менее в мае 1804 года Вильнёв был произведен в вице-адмиралы и принял командование эскадрой в Средиземном море, заменив умершего Латуш-Тревиля.

Начавшиеся военные действия на море поначалу принесли Вильнёву, соединившемуся с испанской эскадрой вице-адмирала Гравины, кое-какие успехи. В частности, 22 июля 1805 года у мыса Финистерре (северо-западная оконечность Испании) в сражении с британской эскадрой адмирала Калдера франко-испанский флот одержал победу, и эскадра противника, изрядно потрепанная, отошла к полуострову Корнуолл. Затем Вильнёв переместился к Ля-Корунье, где в порту Эль-Ферроль уже находилось 11 испанских и пять французских кораблей. Кроме того, там к нему должны были присоединиться еще пять кораблей под командованием капитана Аллемана, вышедшие из Рошфора.

Наполеон был очень доволен, а 10 августа он написал морскому министру Декре: «Передайте вице-адмиралу Вильнёву, что я надеюсь на то, что он продолжит свою миссию».

В данном случае имелось в виду, что эскадра Вильнёва должна была срочно прибыть в Ла-Манш, где готовилась очередная высадка десанта в Англию. С другой стороны, адмирал должен был соединиться с кораблями Аллемана, но их все не было видно. Вильнёв прождал до 11 августа, но так ничего и не дождался. А 15 августа капитан одного датского торгового судна рассказал французам, что видел, что к Ля-Корунье движется еще около 25 британских военных кораблей.

Теперь двигаться в Ла-Манш всего с 29 кораблями, из которых 11 были испанскими, стало чрезвычайно опасно. Вильнёв написал об этом морскому министру, упирая на то, что испанцы могли вести бой только в линию, а это было уже «тактикой вчерашнего дня». Кроме того, Вильнёв сообщал, что состояние кораблей критично, ветры неблагоприятны, и у него не остается других вариантов, кроме как возвращаться в Средиземное море.

Наполеон был в бешенстве и написал министру Декре: «Засвидетельствуйте адмиралу Вильнёву мое недовольство тем, что он теряет такое драгоценное время. <...> Не нужно разрушать себя бездействием и упадком духа».

Вильнёву Наполеон в тот же день написал: «Надеюсь, <...> что вы уже движетесь на соединение с капитаном Аллеманом, чтобы смести все на своем пути и прибыть в Ла-Манш, где мы с беспокойством ожидаем вас. Если вы этого еще не сделали, сделайте».

Еще через восемь дней, 22 августа,

Наполеон в своем письме морскому министру возмущался: «Я думаю, что у Вильнёва нет необходимого характера даже для того, чтобы командовать фрегатом. Это человек, лишенный решимости и храбрости».

Декре, по всей видимости, передал эти слова императора Вильнёву. Тот с сожалением ответил: «Если Его Величество думает, что для успеха на флоте нужны только отвага и характер, мне не о чем больше говорить».

В тот же день, 22 августа, император просто умолял Вильнёва: «Я надеюсь, что вы уже в Бресте. <...> Не теряйте ни минуты и входите с моими эскадрами в Ла-Манш. Англия наша. Мы полностью готовы, все уже погружено на корабли. Прибудьте в двадцать четыре часа, и все будет кончено».

Но Вильнёв не мог идти в Ла-Манш: с его малочисленной и ослабленной эскадрой это было бы сущим безумием.

Поняв, наконец, тщетность своих ожиданий и вообще всего своего предприятия по высадке десанта в Англии, Наполеон 3 сентября покинул Булонский лагерь, двинув собранную там Великую армию в сторону Рейна.

В своем письме морскому министру Декре от 4 сентября 1805 года Наполеон излил все свое негодование на Вильнёва: «Адмирал Вильнёв переполнил чашу моего терпения. <...> Вам он пишет, что собирается идти в Кадис. Это же предательство. Этому нет другого названия. <...> Вильнёв – это ничтожество, которое нужно с позором изгнать. Лишенный храбрости, лишенный общей цели, он готов пожертвовать всем, чтобы спасти свою шкуру. Ничто не может сравниться с глупостью Вильнёва. Я требую отчет обо всех его операциях».

На первый взгляд, возмущение Наполеона действиями адмирала вполне понятно. Но это – только на первый взгляд. На самом деле приказ двигаться в Кадис – а не сам ли Наполеон отдал его совершенно задержанному противоречивыми распоряжениями Вильнёву? Во всяком случае, не является секретом документ, в котором Вильнёву предписывалось осуществить мощную диверсию в Средиземном море. В любом случае, как отмечает историк Виллиан Слоон, решение идти в Кадис было принято, «согласно с разрешением, содержащимся в императорской инструкции».

Более того, Наполеон никак не мог понять, что парусный флот никак не мог передвигаться без попутных ветров, повинуюсь исключительно желанию императора всех французов.

По этому поводу у Дэвида Чандлера мы находим одно чрезвычайно верное наблюдение: «Наполеон никогда не вникал во все детали войны на море в великую эпоху парусного флота. Тайны ветров и течений никогда не открывались ему, несмотря на весь его великий интеллект, а его приказы несчастным французским адмиралам показывают, что он не ожидал от них умения двигаться со своими флотами от одного пункта к другому по точному расписанию, как если бы это были сухопутные дороги».

Относительно же проекта высадки десанта в Англии Дэвид Чандлер утверждает, что «вся эта затея с вторжением была обречена на неудачу с самого начала». Почему? Да потому, что мощные британские флоты не спускали глаз с Бреста, Кадиса и Тулона. И это было бы просто чудо, если бы Вильнёву, бомбардируемому противоречивыми приказами из Парижа, удалось как-то проскользнуть между ними.

Как пишет все тот же Дэвид Чандлер, «вполне возможно, что в душе Наполеон испытывал облегчение оттого, что ему удалось найти такого удобного козла отпущения, на которого можно взвалить ответственность за неудавшийся план вторжения».

На самом деле план этот был неосуществим. Известный военно-морской теоретик Альфред Тайер Мэхэн обосновывает бессмысленность затеи Наполеона следующим образом: во первых, обыкновенные суда той эпохи были «неприменимы для переправы на них такой многочисленной армии в один прием»; во вторых, судов было недостаточно; в третьих, огромная масса беспомощных парусных судов не могла держаться вместе...

Ничего этого Наполеон, похоже, не видел и не хотел видеть. На все робкие замечания

Адмирал Вильнёв

своих военно-морских специалистов о рискованности задуманной операции он лишь нервно восклицал: «Мои адмиралы смотрят на дело неправильно!»

Очень похоже, что Вильнёв, сам того не подозревая, прекрасно выполнил функцию главного виновника неудачи. И теперь он больше не был нужен во главе флота.

ТРАФАЛЬГАРСКАЯ КАТАСТРОФА

15 сентября 1805 года Наполеон, узнав о том, что эскадра Вильнёва уже прибыла в Кадис, приказал морскому министру Декре заменить «труса» на Росили де Мери.

Вильнёв узнал о готовящейся замене в Кадисе. Причем считавшийся его другом Дени Декре не решился сам сообщить ему об этом, поручив все сделать бедняге Росили, совершенно не горевшему желанием принимать командование.

Возмущению Вильнёва не было границ. Заменить его, боевого адмирала, каким-то там Росили?! Этой старой развалиной, больше преуспевшей в гидрографических изысканиях, чем в военных делах?! Уязвленное самолюбие заставило Вильнёва начать срочно искать встречи с блокировавшей Кадис британской эскадрой...

А потом имело место знаменитое Трафальгарское морское сражение, в котором погиб и обессмертил себя Горацио Нельсон.

Оба флота встретились 21 октября 1805 года у мыса Трафальгар, в 10 милях от Кадиса. Для франко-испанского флота там все закончилось настоящей катастрофой, подробно описывать которую нет смысла. Это было сделано уже множество раз.

Отметим лишь, что англичане полностью сожгли один и захватили 17 неприятельских кораблей (восемь французских и девять испанских). Сами они при этом потерь не имели (16 их кораблей, правда, были серьезно повреждены и отправлены назад в Англию). Потери англичан составили примерно 1600 человек убитыми и ранеными, а испанцы и французы потеряли более 8 тыс. человек убитыми, ранеными и взятыми в плен. Командующий испанскими силами вице-адмирал Гравина был смертельно ранен, а сам Вильнёв, чей флаг-

манский корабль «Буцентавр» лишился всех мачт, попал в плен.

В сражении при Трафальгаре адмирал Вильнёв проявил личное мужество, но так и не смог повлиять на его исход. Как пишет историк А. З. Манфред, «французский флот был неизмеримо слабее английского, и не вина Вильнёва, а его трагедия состояла в том, что он не смог одолеть могучего противника».

Титулованного пленника вместе с другими его товарищами по несчастью доставили в Англию.

Узнав о разгроме своего флота, Наполеон отозвался о Вильнёве так: «Этот офицер в генеральском чине <...> обладал достоинствами командира порта, но не имел качеств, необходимых солдату».

ОСВОБОЖДЕНИЕ И СМЕРТЬ

А потом, пробыв шесть месяцев в плену, Вильнёв был освобожден под честное слово не служить более против англичан. 15 апреля 1806 года он высадился на французскую землю и 17-го уже был в городе Ренне. Там ему было приказано остановиться и ждать новых распоряжений из Парижа. В Ренне адмирал остановился в гостинице «Отель де Патри», располагавшейся на улице де Фулон в доме № 21.

Ожидая своей дальнейшей участи, он стал вести затворнический образ жизни, избегая общественных мест и длительных прогулок по улицам города.

«Казалось, что он весь погружен в мрачную меланхолию», – заметил впоследствии один из свидетелей событий.

Вильнёв уже знал о том, что Наполеон сказал на следующий день после разгрома. По сути, это означало, что его военная карьера закончена. Понимая это, он написал морскому министру Декре: «Я глубоко поражен масштабом своего несчастья и всей ответственностью, которая легла на меня после этой ужасной катастрофы. Мое самое большое желание состоит в том, чтобы иметь возможность как можно раньше предоставить Его Величеству или объяснение своего поведения, или же самого себя как жертву, которая должна быть принесена».

Дени Декре. Этот-то был, по крайней мере, военным моряком, вице-адмиралом, его боевым товарищем, в конце концов. Он все правильно поймет и ответит ему. Вильнёв был в этом уверен.

18 апреля Декре ответил ему: «Я еще не получил от Его Величества распоряжений, касающихся вас. Пусть это будет чуть позже, но это может означать, предупреждая вас, что не следует неблагоприятно оценивать намерения Его Величества».

Вот даже как? Тогда, может быть, еще не все потеряно!

А 22 апреля 1806 года, как уже говорилось, адмирал Вильнёв был найден мертвым. Он погиб от шести ударов ножом. Факт того, что удар был не один, приводится в различных исследованиях. В частности, историк Виллиан Слоон пишет: «22 апреля злополучного адмирала нашли мертвым в комнате, с несколькими колотыми ранами в груди». Интересно, кто-нибудь когда-нибудь видел человека, шесть раз подряд ударившего себя ножом? И еще: кто-нибудь видел, чтобы боевой офицер кончал жизнь самоубийством не с помощью пистолета, а с помощью ножа?

Значит, вполне можно сделать вывод, что было совершено преступление, а при расследовании любого преступления наиважнейшим является вопрос, кому это выгодно? Нужно ли было Вильнёву кончать жизнь самоубийством? Да, вроде бы, как и не нужно.

Во-первых, его не арестовали и не разжало-вали. Причину этого называет все тот же Виллиан Слоон: «Упреки, которыми осыпал Наполеон Вильнёва, оказывались, надо полагать, не вполне заслуженными».

Во-вторых, зачем кончать жизнь самоубийством человеку, который, по словам Виллиана Слоона, только что сам «отправил Наполеону письмо, в котором просил аудиенции для личных объяснений с императором».

В-третьих, лишь за четыре дня до этого он получил из Парижа ободряющее сообщение от морского министра Декре, который постоянно контактировал с императором и которого Вильнёв считал своим другом, и тот писал, что «не следует неблагоприятно оценивать намерения Его Величества». Даже в худшем для себя варианте с военным трибуналом адмирал имел возможность постоять за себя и открыто рассказать всю правду о плачевном состоянии наполеоновского флота, о противоречивых приказах из Парижа, о ненадежности испанских союзников и так далее. Но, похоже, что этого-то больше всего и боялся Наполеон; публичные разоблачения ему были явно не нужны.

КТО ЖЕ УБИЙЦА?

Мы уже упомянули версию о том, что Вильнёв якобы был убит четырьмя мамелюками из личной охраны Наполеона. Есть и другая версия. Ее сторонником является историк Робер Уввар. На основании изученных им документов, он утверждает, что 22 апреля 1806 года в гостиницу к адмиралу явились «четыре мужчины с усами, в очень чистой одежде буржуа, на которых они совсем не были похожи». Судя по произношению, они были французами, и они стали задавать вопросы о Вильнёве. Потом появился пятый человек, явно южанин, примерно 45 лет. Он тоже принялся расспрашивать об адмирале, и по всему было видно, что он – начальник первых четверых...

А потом слуга адмирала обнаружил его истекающим кровью на кровати. И что удивительно: на груди у него было пять глубоких ножевых ран, но при этом не было найдено ничего, даже отдаленно напоминавшего нож. Потом этого слугу много раз допрашивали. Происходило это и в Ренне, и в Париже. А еще через три или четыре дня он вдруг встретил на бульваре того самого незнакомца-южанина...

Робер Уввар утверждает, что это и был убийца адмирала Вильнёва. Это был уроженец Бордо капитан военно-морского флота Жан-Жак Маженди, также участник злополучного Трафальгарского сражения, где он командовал флагманским кораблем «Буцентавр».

В этом сражении он тоже попал в плен и якобы не мог простить своему начальнику свой позор и позор французского флота. А еще не исключено, что его мстительность направлялась кем-то сверху. Например, морским министром Декре, который совершенно не был заинтересован в разбирательстве и в разоблачениях, которые готовил для своей защиты Вильнёв. ■

ВЕЛИКОЕ ОСЛУШАНИЕ

Как флотоводец Сенявин отказался выполнять приказ императора и потерял свою эскадру

Сергей НЕЧАЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

Волею судеб в начале ноября 1807 года русская военная эскадра под командованием вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина оказалась в порту Лиссабона. Примерно в это же время Португалия была молниеносно оккупирована французскими войсками генерала Жюно, который 30 ноября вошел в Лиссабон.

Потом на помощь португальцам пришли британские войска. Был высажен мощный десант, и 21 августа 1808 года французы проиграли своим извечным противникам сражение при Вимейро. На следующий день в Торриш-Ведраше у французов состоялся военный совет. Что было делать теперь? Провиваться в Испанию невозможно. Все сообщения отрезаны. Англичане вот-вот получают новые подкрепления...

«Ненавижу англичан...»

Относительно русской эскадры в Лиссабоне можно сказать следующее. Корабли Балтийского флота под командованием контр-адмирала Д. Н. Сенявина (после блокады Дарданелл и удачного Афонского морского сражения с турками) 28 октября 1807 года зашли в этот португальский порт, и там их заблокировала английская эскадра.

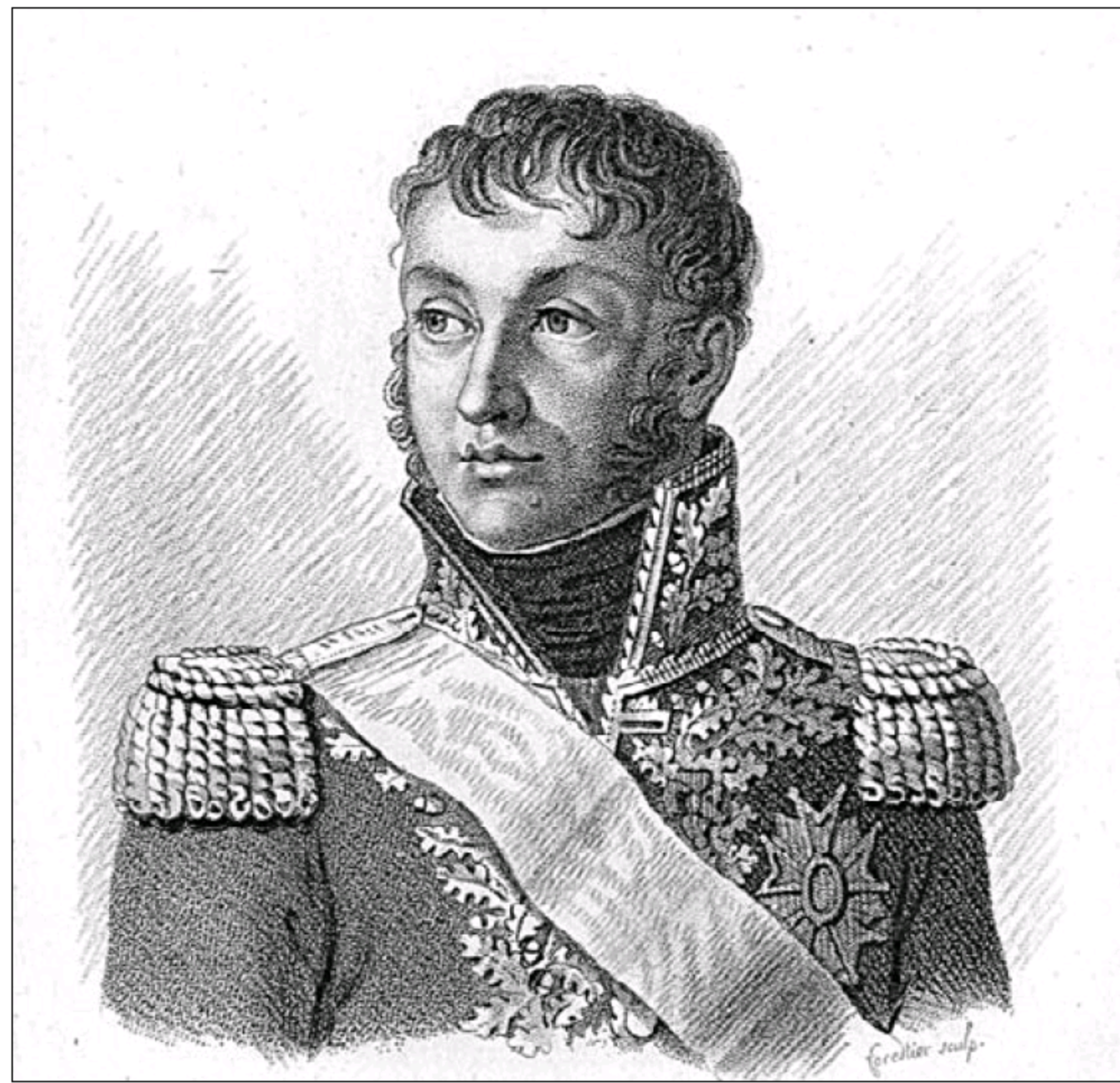
Вряд ли кому-либо из русских флотоводцев приходилось бывать в столь сложном и опасном положении, в каком очутился Сенявин во время своего лиссабонского «сидения». С одной стороны, англичане, которые находились в состоянии войны с Россией, отрезали ему все выходы в море. С другой стороны, сам Лиссабон в конце ноября 1807 года был занят французами, против которых русские еще совсем недавно сражались в Моравии и в Польше. Сенявин оказался между двух огней.

При этом следует отметить, что, согласно Тильзитскому договору между императором Александром I и Наполеоном, Россия и Франция в тот момент были союзниками. Подписывая договор, Александр сказал Наполеону: «Я ненавижу англичан настолько же, насколько вы их ненавидите, и буду вашим помощником во всем, что вы будете делать против них».

И вот ситуация в Португалии сложилась таким образом, что французские войска генерала Жюно оказались заблокированными британской армией генерала Артура Уэлсли (будущего герцога Веллингтона, того самого, кто победит потом Наполеона в сражении при Ватерлоо) на суше, а русская эскадра – британским флотом адмирала Чарльза Коттона на море. Казалось бы, ситуация предельно ясна: два союзника перед лицом общего противника. Более того, не только тактические соображения, но и непосредственные указания царя категорически предписывали Дмитрию Николаевичу сообразовываться во всем с волей нового союзника России, а следовательно, с волей его наместника в Португалии генерала Жюно. В частности, был издан царский указ, который гласил: «Признавая полезным для благоуспешности общего дела и для нанесения явщего вреда неприятелю предоставить находящиеся вне России морские силы наши распоряжению Его Величества императора французов, я пове-

Слева: контр-адмирал Д. Н. Сенявин
Справа: генерал ЖЮНО

леваю вам согласно сему учредить все действия и движения вверенной начальству вашему эскадры, чиня неукоснительно точнейшие исполнения по всем предписаниям, какие от Его Величества императора Наполеона посылаемы вам будут».

Но Сенявин иначе воспринимал сложившееся положение вещей. Русский вице-адмирал в глубине души крайне неприязненно относился к Тильзитскому миру и неожиданно завязавшейся «дружбе» России с Наполеоном. Впрочем, такого же мнения придерживались многие русские, начиная от императрицы-матери, заявившей своему сыну, что ей «неприятно целовать друга Бонапарта», и кончая последним солдатом. Сенявин был убежден, что союз Наполеона с Александром является непрочным, поэтому даже мысль о том, чтобы оказать помощь Жюно, не приходила ему в голову.

Нашла коса на камень

С другой стороны, нажим на Сенявина со стороны генерала Жюно усиливался день ото дня. Но тут коса нашла на камень. Погубить свою эскадру для того, чтобы произвести выгодную наполеоновскую политическую демонстрацию, русский вице-адмирал не пожелал. Не для того он и его люди еще совсем недавно упорно сражались против французов в Далмации и Рагузе, чтобы сейчас отдать свои корабли и свою жизнь для их поддержки в Португалии.

Неоднократно Жюно старался уговорить Сенявина выполнить союзнический долг, и всякий раз Сенявин вежливо, но непреклонно отказывал своему союзнику в помощи.

Генерал Тьебо приводит в своих «Мемуарах» следующие слова Жюно: «Поведение русского адмирала во время этих событий парализовало часть наших возможностей». Кроме того, Жюно говорил: «Объединение русских и французских

сил могло бы изменить ход вещей, в любом случае эффект, который произвела бы эта мера в Португалии, был бы неисчислимым».

Но Дмитрий Николаевич продолжал стоять на своем.

Тогда Жюно пошел по пути формальных требований. 3 июля 1808 года Сенявин получил от него официальное письмо, где говорилось: «Господин адмирал, в трудных обстоятельствах, в которых я нахожусь и которые проистекают, в частности, из необходимости защищать эскадру Его Величества русского императора, я думаю, что наш взаимный долг, как и интерес наших государей, заключается в том, чтобы прийти к соглашению о возможных средствах взаимной помощи».

Далее Жюно объяснял, почему требовалось, чтобы Сенявин решился на действия, «достойные его талантов и храбрости его экипажа», и напал на блокирующую Лиссабон британскую эскадру. В тот момент эскадра была относительно слаба, поскольку от нее отделилось несколько кораблей для прикрытия высаживаемых англичанами десантов. Если бы Сенявин напал на оставшуюся у Лиссабона эскадру, то англичане тотчас же призвали бы обратно все временно выведенные из эскадры корабли и французам было бы легче бороться с высаженными десантами. «Вы понимаете, господин адмирал, как важно, с точки зрения интересов наших обоих могущественных государей, чтобы мы действовали согласно и чтобы мы вполне точно условились о направлении вверенных нам сил», – с чувством писал Жюно в конце своего послания.

По свидетельству генерала Фуа, Жюно говорил русскому контр-адмиралу: «У вас есть 6500 человек войск и корабельных экипажей; для обслуживания кораблей, стоящих на якоре нужно всего 1 тыс. человек. Соберите остальных в шесть больших батальонов; с таким подкреплением я дождусь либо помощи из Франции, либо сезона шквальных ветров, либо договора, который спасет мою армию и вашу эскадру».

Для Жюно 6500 человек – это было очень существенное подспорье, ведь у него самого в сражении при Вимейро было лишь 13 050 сабель и штыков, тогда как в англо-португальской армии – 18 800. Но Сенявин оставался глух к его призывам. При этом он уверял генерала, что прекрасно понимает свой

долг, повелевающий беспрекословно повиноваться императору Наполеону, в полное распоряжение которого царь Александр представил русскую эскадру. Но, к великому прискорбию, он никак не может выполнить просьбу французского генерал-губернатора. Объяснения были таковы: во-первых, если он высадит десант на левом берегу реки Тежу, то ему придется сражаться не только против англичан, но и против португальцев, а между тем он уполномочен вести бои исключительно с англичанами; во-вторых, он считает, что для соблюдения интересов обоих союзных монархов выгоднее не нападать на английскую эскадру, а стоять на месте. А в остальном он, вице-адмирал Сенявин, безусловно, высоко ценит любезность и доброту его превосходительства... и т.д., и т.п.

Жюно был взбешен, но положение французов в Португалии становилось все более критическим. 26 июля 1808 года Жюно самолично прибыл на корабль «Твердый», на котором развевался флаг Сенявина, и снова стал убеждать командующего русской эскадрой выступить против англичан.

Через два дня Сенявин получил от Жюно новое письмо, в котором говорилось:

«Господин адмирал, положение, в котором я нахожусь, делается день ото дня все затруднительнее, и я считаю своим долгом и делом своей чести положительно узнать ваши намерения, и могу ли я надеяться получить от вас какую-либо помощь. Это – мой долг, так как император, мой повелитель, считает, что большая эскадра, которую русский император предоставил в его распоряжение, непременно обязана в таких критических обстоятельствах всеми средствами помогать его сухопутной армии так же, как сухопутная армия должна помогать эскадре. И это дело моей чести, так как если исход сражения не будет для меня благоприятен, то я мог бы усилиться тем, что сможет предложить союзная эскадра, имеющая девять кораблей».

Это Жюно говорил о предстоящем сражении с высадившимися в Португалии британскими войсками под командованием сэра Артура Уэлсли. Как видим, он уже наперед не ждал от этого столкновения ничего для себя хорошего.

Далее Жюно перешел уже к прямым

угрозам, предполагая, что Сенявин должен считаться с тем, как его поведение отразится на франко-русской дружбе. «Нужно, чтобы мой и ваш повелители знали, что русская эскадра не пожелала оказать мне ни малейшей помощи. Нужно, чтобы военные, которые будут обсуждать мое положение, знали, что не только я был окружен со всех сторон врагами, но и что эскадра, союзная Франции и состоящая в войне против Англии, объявила себя нейтральной в самый решительный момент, и такое ее поведение оказалось для меня гораздо вреднее, чем если бы она выступила против меня».

Последнее соображение раздражало французов больше всего: в Испании уже шла яростная народная война против Наполеона, в Португалии высадились англичане, в Европе ходили слухи, что Австрия начала тайно вооружаться. Вот тут-то и продемонстрировать бы перед Европой, что Тильзитский союз – не пустой звук, что русский адмирал Сенявин плечом к плечу сражается вместе с Жюно против англичан!

Понятно, что Жюно хотел во что бы то ни стало вовлечь в борьбу русских и заставить Сенявина принять активное участие в англо-французской войне. Совершенно очевидно, зачем это было так необходимо Наполеону и его наместнику. Ведь 1808 год был годом Эрфуртской встречи обоих правителей, годом, когда Наполеону кровь из носу нужно было продемонстрировать перед всей Европой «необычайную прочность и искренность» франко-русского союза...

Каждый за себя

Но все усилия Жюно оказались тщетными. А после того как Жюно окончательно понял, что ни на какое содействие русских рассчитывать не приходится, события начали развиваться стремительно. 4 августа 1808 года Жюно вывел из Лиссабона почти все войска и выдвинулся в район Торриш-Ведраша. А 21 августа произошло решающее сражение с превосходящей по численности армией генерала Уэлсли у деревни Вимейро, в котором у французов практически не было шансов на успех.

В этих экстремальных обстоятельствах Жюно пошел на хитрость. На следующий день после сражения при Вимейро он послал неплохо владевшего английским языком генерала Келлермана парламентаром в лагерь англичан.

Келлерман был принят британскими генералами в Масейре.

Прикинувшись ничего не понимающим по-английски и ведя переговоры на французском через предоставленного англичанами переводчика, Келлерман услышал много интересного и важного для хода переговоров. Эта хитрость чрезвычайно помогла ему: он подслушал, как англичане, совещаясь между собой, говорили, что их положение не слишком определенно. Он быстро понял, что в руководстве союзной армии царит полный разброд, и что генерал Мур с подкреплением еще не прибыл...

В тот же день, 22 августа 1808 года, Келлерман подписал с англичанами соглашение о перемирии на очень выгодных для французов условиях.

При этом генерал Жюно заявил:

– Я не прошу у них милости. Если мне откажут в условиях, которых я требую для своей армии, я отступлю в Лиссабон, взорву укрепления, сожгу арсеналы, флот и уйду через Испанию, но оставлю страшные следы на своем пути.

В соглашение о перемирии, кстати, имелась 7-я статья, касавшаяся русского флота. В ней говорилось: «Русскому флоту будет обеспечен нейтралитет порта Лиссабона: это значит, что когда английская армия и флот займут город и порт, вышеназванный русский флот не будет беспокоен во время своего пребывания в порту, не будет остановлен, когда он решит отплыть, не будет преследоваться после отплытия до времени, обговоренного в морском законе».

24 августа генерал Келлерман явился к Сенявину и уведомил его о заключенном перемирии между Жюно и руководителями англо-португальской армии. На следующий день Сенявин получил письмо от Жюно, в котором французский генерал снова предлагал присоединить все экипажи эскадры и морских пехотинцев к французской армии, чтобы помешать союзникам занять Лиссабон и его форты. Жюно пригрозил Сенявину тем, что если тот вновь откажется от сотрудничества, его эскадру ждет уничтожение.

В тот же день последовал ответ русского вице-адмирала, и опять отрицательный.

Наконец, 28 августа Сенявин получил последнее письмо от Жюно, в котором ему предлагалось участие русской эскадры решать непосредственно с англичанами.

Синтрская конвенция

В результате 30 августа 1808 года между французами и англичанами было подписа-

но окончательное соглашение об эвакуации французской армии из Португалии, более известное как Синтрская конвенция. Конвенция эта уникальна. Ничего подобного история не знала ни до того, ни после. По словам военного историка Майкла Гловера, «никогда еще армия-победительница, имея все преимущества в своих руках, не подписывала таких соглашений, дающих так много побежденному противнику и так мало ей самой».

Согласно этой конвенции Жюно со своей армией вывозились на британских транспортных судах во французские порты. Условия Синтрской конвенции были беспрецедентны: французские войска эвакуировались из Португалии со всем оружием и багажом, солдаты и офицеры не признавались военнопленными и по возвращении во Францию были вольны продолжать воинскую службу. Примечателен и особо оговоренный пункт соглашения: любая из статей конвенции, которая могла показаться сомнительной, должна была трактоваться в пользу французов.

Уже 12 сентября 1808 года на палубы британских кораблей были погружены последние раненые и остатки французских дивизий. Естественно, перед отъездом Жюно не пожелал лично проститься с Сенявиным. Он не мог простить русскому вице-адмиралу его упрямства, сыгравшего фатальную роль в судьбе французской оккупации Португалии.

На волю победителей

После ухода французов Лиссабон заняли английские войска. Сенявин остался один на один с британской армией и флотом. Согласно воспоминаниям генерала Фуа, он «предпочел вести переговоры с англичанами самостоятельно и сдать им свои суда вместо того, чтобы совместно с французами попытаться счастья».

Сдать? Не совсем так. Впрочем, теперь положение русских принципиально изменилось, и действительно приходилось думать о том, как бы британские власти не объявили русскую эскадру своей военной добычей, а ее командира со всеми экипажами судов – военнопленными. Ведь Англия в тот момент формально находилась в состоянии войны с Россией.

Сенявин написал английскому адмиралу Коттону: «Мое поведение в течение десяти месяцев пребывания в Лиссабоне, мои постоянные отказы принимать хотя бы малейшее участие в предлагавшихся мне враждебных мерах против англичан –

все эти мотивы поддерживают меня в твердом убеждении, что ваше превосходительство примет во внимание вышеуказанные обстоятельства и законное нейтральное положение относительно моей эскадры будет соблюдено».

Сенявин далее заявил, что после ухода французских оккупантов Лиссабон вернулся в законное португальское владение, а так как Россия не находилась в состоянии войны с Португалией, то он считает свою эскадру пребывающей в нейтральном порту. Но Коттон не оставил камня на камне от этого довода, велел вывесить всюду британские флаги и заявил, что не считает Лиссабон нейтральным.

Далее имела место встреча двух адмиралов, и 23 августа была подписана еще одна конвенция, согласно которой русские военные корабли предписывалось... «немедленно передать адмиралу сэру Чарльзу Коттону со всем корабельным имуществом и отправить в Англию, где они станут содержаться в качестве депозита Его Величества Короля Британии, а затем будут возвращены Его Императорскому Величеству через шесть месяцев после заключения мира между Его Величеством Королем Британии и Его Величеством Императором России». Не больше и не меньше.

Политическая дальновидность или воинское преступление?

Конечно, патриотические чувства Д. Н. Сенявина можно понять. Тильзитский мир был навязан России, он был для нее невыгоден, да и сам император Александр рассматривал его как тактическую меру. «Союз с Наполеоном – лишь изменение способов борьбы против него», – писал он матери.

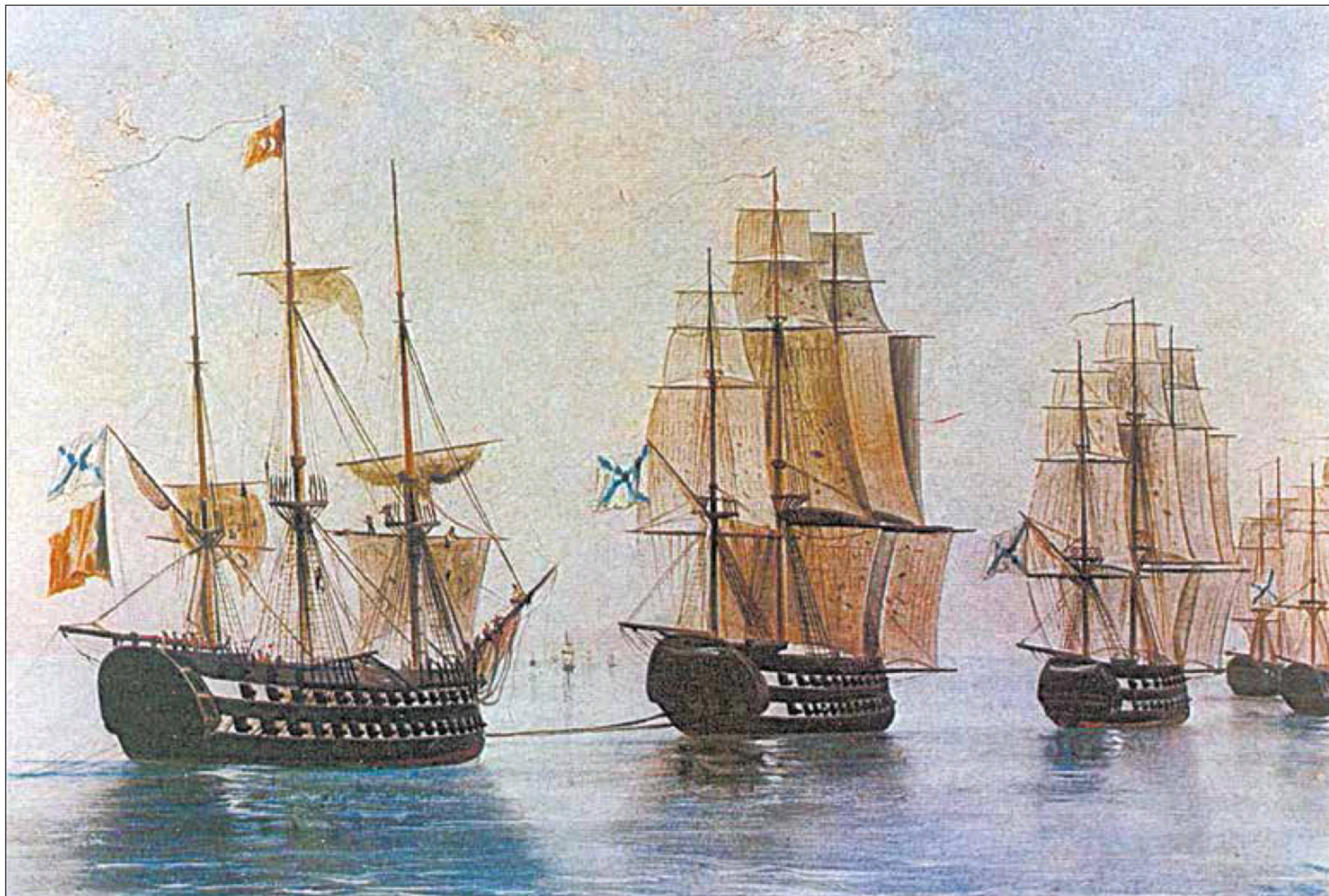
Но, с другой стороны, шла война, и Дмитрий Николаевич был военным человеком. А на войне основой основ является дисциплина. Еще Петр I в своем уставе предписывал, чтобы «армии наши составлялись из людей, знающих воинские дела и хранящих добрый порядок и дисциплину». И военная история не знает ни одного полководца, который не заботился бы об укреплении дисциплины. Тот же А. В. Суворов называл дисциплину матерью победы, а М. И. Кутузов дисциплинированным считал «того, кто повинуется и точно выполняет приказания».

В дисциплинарном уставе Русской императорской армии было четко написано: «Дисциплина состоит в строгом и точном соблюдении правил, предписанных военными законами. Поэтому она обязывает строго соблюдать чинопочитание, точно и беспрекословно исполнять приказание начальства, сохранять во вверенной команде порядок, добросовестно исполнять обязанности службы и не оставлять поступков и упущений подчиненных без взыскания». Актуально это положение и сейчас: обсуждение приказа недопустимо, а неповиновение приказу или его неисполнение является воинским преступлением.

В 1808 году Д. Н. Сенявин в этом смысле нарушил все, что только можно было нарушить. В результате, его эскадра была отконвоирована из Лиссабона в Портсмут. Туда прибыли 27 сентября 1808 года, и там русских продержали почти год, после чего англичане, отобрав у Сенявина корабли, погрузили его людей на свои транспортные суда и доставили в Ригу.

Александр I, само собой, не оценил упертости своего флотоводца, определив его на второстепенную должность в провинциальном порту. В 1812 году, когда началась война, Дмитрий Николаевич подал царю прошение об определении на военную службу, однако Александр вместо резолюции сопроводил его издевательскими вопросами: «Где?», «В каком роде службы?», «И каким образом?». В результате, человек, пренебрегший военными законами, проявивший самоуправство и сдавший противнику русские корабли, был даже не только не принят в ополчение, но и уволен из армии с половинной пенсией. ■

Корабли эскадры контр-адмирала Д. Н. Сенявина

СОПЕРНИКИ

Как герцог Веллингтон и Наполеон сражались на полях любви и брани

Сергей МАНУКОВ

Специально для «Совершенно секретно»

Император Наполеон Бонапарт

Герцог Веллингтон

18 июня 2015 года все прогрессивное человечество отметило 200-летие битвы при Ватерлоо. Юбилей вызвал просто бешеный интерес ко всему, что связано с этим сражением, положившим конец наполеоновским войнам. Особым вниманием пользовались, конечно, и главные действующие лица этой драмы: французский император Наполеон Бонапарт и английский герцог Веллингтон, командовавшие английской и французской армиями. Ни для кого не секрет, что Веллингтон и Наполеон были непримиримыми противниками. Именно британский герцог два столетия назад окончательно разрушил вблизи бельгийской деревушки Ватерлоо, сейчас являющейся, кстати, пригородом Брюсселя, последние надежды Наполеона восстановить свою власть.

Многочисленные исследователи два столетия изучали жизни великих полководцев. Самое емкое определение главным героям Ватерлоо дал, пожалуй, профессор истории из Кембриджа Холланд Роуз.

«Наполеон олицетворял собой огонь, порывистость и блеск юга, – написал он, – а Веллингтон – холодность, осторожность, здравый смысл и упрямство англо-саксонской расы».

Трудно представить двух менее похожих друг на друга людей. И все же если этих двух исторических персонажей очистить от позолоты мифов и легенд, то окажется, что они не так уж и сильно отличались друг от друга. У Наполеона и Веллингтона было, на удивление, много общего.

Например, у них совпадали пристрастия к прекрасному полу. Оба предпочитали

пышнотелых оперных див и актрис. Как минимум в двух случаях Веллингтон и Наполеон даже спали, естественно, в разное время, с одной и той же женщиной.

Герцог Веллингтон, хотя и победил в последнем, решающем сражении, на любовном и многих других фронтах французскому императору уступал. Можно даже сказать, что он пользовался «обедками» со стола императора Франции.

Конечно, роман британского герцога

с одной любовницей Наполеона еще как-то можно объяснить случайностью, но когда таких женщины не меньше двух, это уже больше похоже не на случайность, а на закономерность. О том, что британский полководец питал слабость ко всему, что связано с именем поверженного им француза, говорит, например, покупка в Париже дома сестры Наполеона. Кроме этого, он взял на работу повара экс императора Франции, согласился принять в подарок его портрет

и повесил в своей спальне довольно откровенную картину его сестры Полины...

Такие разные и такие похожие

Поразительные совпадения в судьбах Веллингтона и Наполеона начались с детства. Они родились в один год – 1769-й, только британец был на три месяца старше француза.

Родители Веллингтона и Наполеона были знатными людьми. Оба учились не на

Кстати

В честь двухсотлетнего юбилея битвы при Ватерлоо, кроме воссоздания сражения на первоначальном месте, в котором приняли участие несколько тысяч человек, и множества других мероприятий, предполагался и выпуск памятной монеты достоинством 2 евро. Монету предложила выпустить Бельгия, на территории которой состоялась битва и которая обязана ей своей государственностью. Однако под сильным давлением Парижа бельгийцы свое предложение сняли. Французы явно не захотели проигрывать сражение при Ватерлоо второй раз. Через два столетия после поражения они взяли реванш, заявив, что появление монеты вызовет напряжение, в то время когда Европе, как никогда, нужно сейчас единство.

Впрочем, радовались в Париже недолго. Бельгийцы за неделю до праздника все же отчеканили 70 тыс. памятных монет, только достоинством 2,5 евро. В Брюсселе воспользовались правом, разрешающим членам ЕС самим чеканить монеты необычного достоинства. Монеты в честь Ватерлоо будут находиться в обращении только в этом королевстве.

Еврозона может чеканить памятные монеты достоинством не больше 2 евро, дизайн которых должен одобряться министрами финансов членов зоны общеевропейской валюты. В 2015 году, кроме забракованной французами монеты, были выпущены памятные монеты в честь 25-летия воссоединения Германии, предложенные Берлином; в честь 70-летия мира в Европе после окончания Второй мировой войны, которые предложила Франция; и, по предложению Хельсинки, монеты в честь композитора Яна Сибелиуса, родившегося в 1865 году.

Справка

На поле близ деревушки Ватерлоо, расположенной в 20 километрах от Брюсселя, в воскресенье, 18 июня 1815 года сошлись войска Шестой коалиции и французская армия. Численность противников была примерно равна – 70 тыс. у союзников, которыми командовал герцог Веллингтон, и 72 тыс. у французов под командованием Наполеона, пытавшегося вернуть себе власть и империю. У Наполеона был существенный перевес в артиллерии: 243 орудия против 156 у Веллингтона.

Веллингтон сумел компенсировать этот недостаток, скрыв свои войска от артиллерийского огня неприятеля вдоль высот по дороге на Брюссель.

Сражение началось в 14:00 с наступления маршала Нея на позиции британцев у ферм Угумон и Ла-э-Сент. В результате нескольких атак и ожесточенного сражения французам удалось выбить противника с позиций, однако появление на поле боя прусской армии маршала Блюхера кардинально изменило ход сражения.

Герцог Веллингтонский перешел в наступление и вытеснил французов с поля боя.

Потери сторон оказались велики и примерно равны: англичане потеряли ок. 15 тыс. человек, пруссаки – 7 тыс.; французы – 25 тыс. человек.

Поражение при Ватерлоо окончательно похоронило надежды Наполеона Бонапарта на возврат власти.

родине – ирландец Веллингтон – в Британии, а корсиканец Наполеон – во Франции. Вторым языком у обоих был французский.

Оба довольно рано лишились отцов: Веллингтон – в 12 лет, а Наполеон – в 15. После их смерти за воспитание будущих полководцев взялись строгие и властные матери. По странному стечению обстоятельств, у обоих было по четыре брата и три сестры,

У Веллингтона и Наполеона был один кумир – Ганнибал. Оба брали с собой в походы и читали перед сном «Комментарии» Цезаря.

Будущие полководцы понюхали пороха с интервалом в один год: Наполеон — в Тулоне 16 сентября 1793 года, а Веллингтон — в Голландии 15 сентября 1794 года.

Обоим помогали делать карьеру братья. В 1797 году Люсьен Бонапарт организовал мятеж, в результате которого Наполеон стал первым консулом Франции, а Ричард Уэлсли, тогдашний губернатор Британской Индии, поручил в 1803 году брату командование армией во Второй англо-маратхской войне.

Говоря о совпадениях между Наполеоном и Веллингтоном, можно вспомнить и любопытный штрих из биографии Ричарда Уэлсли, брата герцога Веллингтонского. В 1825 году, через четыре года после смерти Наполеона Бонапарта, Ричард женился на невестке бывшей жены брата Наполеона – Джерома..

Конечно, было немало и отличий. Особенно заметны они, пожалуй, в физических способностях Веллингтона и Наполеона. В то время как англичанин уделял очень большое внимание физической форме и значительно превосходил по ней подавляющее большинство офицеров как своей, так и вражеской армии, у француза она никогда не была сильным местом. Хотя временами и Наполеон мог показывать чудеса выносливости и стойкости.

Веллингтон был превосходным наездником и, как молния, носился по полям сражений. Однажды он проехал около 500 километров по сильно пересеченной местности, чтобы провести рекогносцировку.

Наполеон плохо сидел в седле и неоднократно оказывался на земле.

Английский герцог был умерен во всем и неприхотлив в еде. Он мог сутками не есть и не спать. Император Франции к аскетам не относился и, в отличие от британского противника, предпочитал как можно меньше делать сам. Он не писал без необходимости даже письма, а диктовал их секретарям.

Только после вас, Наполеон

Сходство заметно и в отношениях со слабым полом. Наполеон и Веллингтон питали повышенный интерес к женщинам, но женились неудачно. Китти Пэкенхэм, дочь второго лорда Лонгфорда, конечно, была для Веллингтона отличной партией, но вскоре после свадьбы она ему наскучила. Большую часть семейной жизни супруги провели врозь.

Своими изменами, приступами плохого настроения и расточительностью Жозефина де Богарне скучать Наполеону не давала. А вот подарить ему желанного наследника она так и не смогла.

В результате неудачных браков Наполеон и Веллингтон активно удовлетворяли свои сексуальные аппетиты на стороне...

Жозефина (Джузеппина) Грассини родилась в ломбардском городке Варезе в апреле 1773 года и была на четыре года моложе наших героев-антиподов. Училась искусству пения она в Миланской опере, ее дебют состоялся в Парме в 1789 году. В 1797 году, когда Наполеон впервые услышал ее пение, она уже была одной из самых известных в Италии оперных див. Современники в один голос отмечали ее удивительно выразительные глаза, безупречные зубы, классические черты лица и пышную фигуру.

Сначала доблестный французский генерал, увлеченный тогда только супругой, должного внимания Грассини не уделял. И лишь спустя три года, в течение которых

они с Жозефиной «самозабвенно» изменяли друг другу, Наполеон клянул на наживку.

«Когда я была во всей красе и расцвете таланта, когда моя красота ослепляла всех мужчин вокруг и разжигала пожар в их сердцах, – шутливо упрекнула она Наполеона после концерта в Ла Скале, – только один молодой генерал оставался безучастен к моим чарам. Сейчас же, когда я стала недостойна вашего внимания, вы позволили своему взгляду задержаться на мне».

В вопросе привлекательности Жозефины Грассини Наполеон придерживался совершенно противоположного мнения. Явившийся на следующее утро к Наполеону на завтрак для обсуждения текущих дел начальник штаба французской армии генерал Бертье застал в его покоях итальянку.

Чтобы не разбудить ревность Жозефины де Богарне, прежде чем везти Грассини в Париж, Наполеон распорядился включить вместе с ней в список имена и других оперных знаменитостей. Таким образом он надеялся «спрятать» любовницу от ревливой супруги.

В день взятия Бастилии в 1789 году итальянская дива спела в Госпитале Инвалидов оду, посвященную освобождению Италии и написанную по приказу Наполеона. Переполненный зал провожал примадонну восторженными аплодисментами.

«Слушать Грассини, – вспоминал один из поклонников ее таланта, – значило слушать не просто певицу, а внимать самой музе».

Наполеон сделал Грассини любовницей и выделил ей ежемесячное содержание в 15 тыс. франков. Она хотела быть официальной любовницей французского консула, но по причинам политического и личного характера он предпочитал держать этот роман в тайне.

Для отвода глаз Грассини пришлось даже завести любовника, 22-летнего скрипача из Бордо по фамилии Роде. После нескольких успешных выступлений в Париже труппа отправилась в длительное триумфальное турне по Германии, Италии и Голландии.

Конечно, ее отъезд не означал окончания романа. В 1803 году Жозефина просила в письме свою подругу, мадам де Крени, показать служанке Джугли шпионить за вернувшейся в Париж Грассини. Служанка должна была выяснить, где живет итальянка и кто к кому ездит в гости: Наполеон к ней или она к нему. Будущая императрица догадалась о причине регулярных ссор с супругом после того, как случайно узнала, что оперная дива с Апеннин уже больше недели находится во французской столице.

Служанка оказалась способной шпионкой и задание хозяйки выполнила. Она выяснила, что Грассини тайно ездила к своему высокопоставленному любовнику в Тюильри. Их свидания в Тюильри были особенно унизительны для Жозефины, потому что в скором будущем ей предстояло стать императрицей и жить в этом дворце.

Щедрый француз и скупой англичанин

По возвращении в Париж Жозефина Грассини получала 36 тыс. франков жалованья и 15-тысячную премию как примадонна. По злой иронии судьбы, она выступала в театре... императрицы. Вместе с многочисленными подарками оперная певица из Италии обходилась французским налогоплательщикам в период между 1807 и 1814 годами в 700 тыс. франков ежегодно, очень приличную по тем временам сумму.

Но ни горячая любовь, ни большие деньги не удержали Жозефину Грассини от того, чтобы в 1814 году после падения Парижа и слепого отречения императора в Фонтенбло стать любовницей... Веллингтона. В 41 год она уже была не той 27-летней пышнотелой

красавицей, покоровшей сердце великого Наполеона. Впрочем, по свидетельствам современников, Жозефина оставалась еще очень миловидной и вполне привлекательной в сексуальном плане женщиной.

Как нетрудно догадаться, Грассини не могла не сравнивать двух великих любовников. В Веллингтоне ей не нравилась бросающаяся в глаза скупость. В щедрости британец значительно уступал императору Франции. Счета модисток и шляпниц, которые Железный Герцог оплачивал из своего кармана, ясно показывают, как снизились запросы итальянской дивы при новом режиме. В декабре 1815 года они лишь совсем немного перевалили за полтысячи – 529 франков 64 сентима. Слабым утешением для итальянки могло служить то обстоятельство, что в тот же месяц счета герцогини Веллингтонской составили и того меньше – всего лишь 380 франков.

Возможно, скупость Веллингтона и стала главной причиной того, что роман между ним и бывшей любовницей его главного противника оказался недолгим и продлился всего несколько лет.

В 1823 году Грассини вышла на пенсию. Она тихо жила, курсируя между Парижем и Миланом. До самой своей смерти в июне 1850 года эта женщина, сохранившая следы былой красоты, которая разбила сердце победителя при Маренго, с удовольствием вспоминала романы с Наполеоном и Веллингтоном.

Ушел, чтобы стать императором

Второй любовницей Наполеона, которую Веллингтон тоже «подобрал» после императора Франции, была актриса Маргарита Жозефина Веймер. Она родилась в 1787 году и была на 15 лет моложе Наполеона и Веллингтона.

Наполеон соблазнил Маргариту в конце 1802 года, когда ей было 16 лет. Это произошло во дворце Сен-Клод после того, как она сыграла Клименестру в трагедии «Ифигения в Оли». На самого могущественного человека Франции произвели большое впечатление молодость, свежая красота и не по годам зрелая фигура юной актрисы, которая выступала на сцене под псевдонимом мадемуазель Жорж. Грассини в то время была на длительных гастролях, так что руки, вернее, сердце, у Наполеона были свободны.

Наполеон был с девушкой, которую звал Жоржеттой, более чем щедр. Однажды он сунул ей за лиф 40 тысяч франков ассигнациями. Роман с актрисой бесил Жозефину, но она не могла ничего сделать. Как однажды заметил сам Наполеон: «Эксклюзивность не в моем характере».

Роман продлился недолго и закончился в 1804 году. Когда много лет спустя Александр Дюма старший поинтересовался у Маргариты о причине разрыва, она ответила с лукавой улыбкой: «Он покинул меня, чтобы стать императором».

За два дня до отречения Наполеона мадемуазель Жорж, кстати, с 1808 по 1812 год жившая в России, проезжала в карете по Вандомской площади. Увидев, как рабочие валият статую императора, она хотела выйти из кареты и устроить скандал. Подруге стоило немалых трудов удержать ее от этого необдуманного шага. Учитывая непопулярность Маргариты Веймер, которую в Париже открыто называли «корсиканской вдовой» и которую часто встречали на сцене свистом и топотом, это было, конечно же, мудрым решением.

Маргарита искренне хотела остановить свержение статуи бывшего любовника, однако это не помешало 27-летней актрисе вскоре после отречения французского императора познакомиться с герцогом Веллингтоном. Нетрудно догадаться, что между ними начался роман.

Веймер умерла в 1867 году в возрасте 80 лет. Она тоже частенько вспоминала великих любовников и сравнивала их в постели. И хотя она считала себя патриоткой Франции, истина для нее была важнее всего. Предпочтение в искусстве удовлетворения женщины Маргарита Веймер отдавала британцу.

Похоже, что британский герцог, хоть и пользовался «объедками» со стола императора Франции, но вышел победителем не только с поля брани, но и из сражений в постели. ■

“ Герцог Веллингтон, хотя и победил в последнем, решающем сражении, на любовном и многих других фронтах французскому императору уступал. Можно даже сказать, что он пользовался «объедками» со стола императора Франции.

фа Ростопчина возникла тема сожжения древней столицы.

Например, 12 (24) августа 1812 года он написал князю П. И. Багратиону: «Я не могу себе представить, чтобы неприятель мог прийти в Москву. <...> Народ здешний <...> решительно умрет у стен московских, а если Бог ему не поможет в его благом предприятии, то, следуя русскому правилу: не доставайся злодею, обратит город в пепел, и Наполеон получит вместо добычи только место, где была добыча».

На другой день он почти дословно повторил то же самое в письме к министру полиции А. Д. Балашову: «Если Провидению угодно будет <...>, чтоб злодей вступил в Москву, то я почти уверен, что народ зажжет город и отнимет у Наполеона предмет его алчности и способ наградить грабежом своих разбойников».

Подобные обращения графа Ростопчина к столь высокопоставленным адресатам явно имеют особый смысл. В связи с этим можно утверждать, что мысль о возможном сожжении Москвы уже тогда занимала его и была им сформулирована. При этом из переписки графа за 1812 год хорошо видно, что в августе он никому другому, кроме князя Багратиона и генерала Балашова, об этом своем намерении не сообщил – ни Барклаю-де-Толли, ни Кутузову, которых, казалось бы, следовало бы известить в первую очередь. Почему же?

В этом видится хорошо продуманный план. Скорее всего, задумав уничтожение Москвы, граф Ростопчин решил не брать на себя одного ответственность за столь кардинальное действие. Поэтому-то он в вышеприведенных письмах и представлял все как проявление стихийно возникшей решимости местных жителей: в случае негативной реакции он всегда мог бы прикрыться «мнением народа». Но вот чьей реакции? Наверное, только высокопоставленных людей, на которых он мог всецело полагаться. Понятное дело, ни Барклай, ни Кутузов к таким людям не относились (с тем же Кутузовым Ростопчин вообще едва ли был тогда знаком)...

Другое дело – князь Багратион. С ним граф был близок еще с павловских времен, и в 1812 году они явно могли считаться единомышленниками.

Подготовка к сожжению

1 (13) сентября 1812 года, в канун сдачи Москвы, граф Ростопчин увидел генерала А. П. Ермолова и, отведя его в сторону, как пишет тот в своих «Записках», сказал: «Если без боя оставите Москву, то вслед за собою увидите ее пылающей!»

В другом варианте слова Ростопчина звучат, как выражение его личной решимости сжечь Москву. Денис Давыдов в своих «Военных записках» пишет: «Граф Ростопчин, встретивший Кутузова на Поклонной горе, увидав возвращающегося с рекогносцировки Ермолова, сказал ему: «Алексей Петрович, зачем усиливаетесь вы убеждать князя защищать Москву, в которой уже все вывезено; лишь только вы ее оставите, она, по моему распоряжению, запылает позади вас».

Подобные «показания» А. П. Ермолова и Д. В. Давыдова единодушно свидетельствуют о том, что 1 (13) сентября на Поклонной горе граф Ростопчин высказывался в пользу сожжения Москвы. Но обращаться с подобными словами непосредственно к Кутузову он не решился.

При этом граф Ростопчин не только говорил о возможном сожжении Москвы, он еще и предпринимал активные действия для подготовки к осуществлению своего замысла. Прежде всего, он приказал эвакуировать из города «огнегасительные снаряды». И кто бы что тут ни говорил, совершенно очевидно, что оставить город без средств защиты от огня – это эквивалентно подготовке его к сожжению.

Имеются данные о том, что именно Ростопчин приказал обер-полицмейстеру П. А. Ивашкину вывезти из Москвы все 64 пожарные трубы с их принадлежностями.

Некоторые авторы видят в вывозе пожарных труб такую же ординарную меру, как и эвакуацию любого другого казенного имущества. Но подобный подход совершенно неверен, ибо в то время, как вывозились пожарные трубы, из-за недостатка подвод в городе были оставлены гораздо более важные вещи: государственные архивы, большие суммы денег, оружие, боеприпасы...

Плюс были брошены на произвол судьбы тысячи русских раненых.

Помимо вывоза «огнегасительных снарядов» граф Ростопчин приказал выпустить из острогов на свободу многих преступников, то есть потенциальных поджигателей Москвы. Об этом имеется немало свидетельств очевидцев. Например, некая москвичка А. Г. Хомутова потом вспоминала, что именно Ростопчин «приказал раздать факелы выпущенным колодникам, а его доверенные люди побуждали их к поджогу». Не правда ли, серьезное обвинение?

Известно также, что утром 2 сентября граф Ростопчин написал своей жене Екатерине Петровне: «Когда ты получишь это письмо, Москва будет превращена в пепел, да простят меня за то, что вознамерился поступать, как римлянин, но если мы не сожжем город, мы разграбим его. Наполеон сделает это впоследствии – триумф, который я не хочу ему предоставлять».

По большому счету, одного этого письма достаточно, чтобы считать роль Ростопчина в сожжении Москвы окончательно доказанной. Другим важным аргументом является тот факт, что граф сам сжег свое прекрасное имение Вороново, что находилось в 60 верстах от Москвы.

Быстрое распространение пожара

А вот свидетельство британского генерала Роберта Вильсона, состоявшего тогда при штабе М. И. Кутузова: «С наступлением темноты в нескольких кварталах вспыхнули пожары. Почти одновременно запылали десять тысяч лавок на рынке, казенные магазины фуража, вина (тринадцать миллионов карт), водки, воинских припасов и пороха. Никаких средств тушения не нашлось – ни пожарных экипажей, ни даже ведер для воды. По приказу Ростопчина все было уничтожено или увезено».

Сначала запылал Каретный ряд, потом пожар забушевал на Солянке, перекинулся за Яузский мост и далее. Он вспыхнул «вдруг» в 11 местах. С 5-го на 6-е сентября загорелось Замоскворечье, мосты на реке... По свидетельству генерала Вильсона, «пожар Москвы с пожирающей яростью объел весь город, превратив его в сплошной океан огня. Все дворянские дома, все торговые склады, все общественные здания, все лавки, все, что только могло гореть, пылало, словно околдованное каким-то заклятием <...>. Двести-триста русских, заподозренных в поджогах, были казнены, но пожары продолжались с неослабевающей силой».

Интрига М. И. Кутузова

По мнению весьма осведомленного Роберта Вильсона, «Ростопчин был зачинщиком и соучастником сего деяния». Но все было не так просто, и графу Ростопчину не удалось осуществить свой замысел в том виде, в каком он был задуман.

На самом деле, он планировал все несколько иначе: его план заключался в сожжении Москвы до вступления в нее французов. Этим актом он хотел возбудить в народе «общее рвение», и для этого он «был готов на самые крайние меры».

Однако помешал Ростопчину в его планах... М. И. Кутузов, который отводил Москве в своих замыслах совсем не ту роль, какая была уготована ей Ростопчиным.

Как мы уже знаем, он лишь 1 (13) сентября окончательно решил оставить Москву. А решившись на это, он задумал оторваться от численно превосходившей его наполеоновской армии. А для этого ему нужно не просто продолжать отступление, а отступить именно через Москву, а та должна была задержать Наполеона в его наступательном порыве. Как видим, план Ростопчина «вопиющим образом» противоречил планам Кутузова.

Многие историки уверены, что Михаил Илларионович даже не догадывался о варварском проекте графа Ростопчина. На самом же деле, это не так – он располагал на сей счет вполне точными данными. Дело в том, что слухи просачивались к жителям Москвы, а от них – в армию. Плюс сохранились свидетельства, что князь Багратион охотно читал письма к нему Ростопчина в присутствии близких к главнокомандующему генералов и офицеров. Да и вообще, невоз-

О. А. Кипренский. Портрет графа Фёдора Васильевича Ростопчина

можно допустить, чтобы столь важные сведения не были доведены князем до Кутузова.

Соответственно, когда Ростопчин около полудня 1 (13) сентября появился на Поклонной горе, Кутузов сделал все, чтобы сорвать его замысел. Содержание их разговора на Поклонной горе доподлинно не известно: он происходил с глазу на глаз, а Кутузов никаких записей о ней не оставил. Однако можно с полной уверенностью сказать, что Михаил Илларионович в свойственной ему манере «дипломатически искусно» усыпил бдительность Ростопчина, заверив его, что непременно даст Наполеону сражение у Москвы. Как бы то ни было, покидая Поклонную гору, Ростопчин пребывал в твердой уверенности, что Москва если и будет сдана противнику, то только после большой битвы. И лишь к вечеру 1 (13) сентября он понял, что все его расчеты пошли прахом.

11 (23) сентября он написал своей жене: «Ты видишь, мой друг, что моя мысль поджечь город до вступления в него злодея была полезна. Но Кутузов обманул меня».

Чуть позднее он пожаловался на Кутузова императору Александру: «Я в отчаянии, что Кутузов скрывал от меня свое намерение, потому что я, не быв в состоянии удержать город, зажег бы его и лишил бы Бонапарта славы взять Москву, ограбить ее и потом предать пламени, я отнял бы у французов плод их похода и пепел столицы. Я заставил бы их думать, что они лишились великих сокровищ и тем доказал бы им, с каким народом имеют они дело».

Действительно, получается, что М. И. Кутузов банально обманул Ф. В. Ростопчина, а привычные с детства слова о том, что «Москва, спаленная пожаром, французам отдала», – неверны.

Гнев Наполеона

На самом деле, вся «хитрость» Кутузова, ставшего после сражения при Бородино фельдмаршалом и получившего от императора 100 000 рублей, была направлена лишь на то, чтобы прикрыть свое неумение победить Наполеона. А в результате из-за этого московские власти не успели эвакуировать ни арсенал (в Москве было брошено 156 орудий, почти 75 000 ружей, 40 000 сабель, 27 000 артиллерийских снарядов и т.д.), ни старинные знамена, ни раненых...

Наполеон в возмущении кричал, глядя на пылающую Москву:

– Какое ужасное зрелище! Они сами жгут. Сколько дворцов! Какое невообразимое решение. Что за люди! Это скифы!

По его приказу, солдаты несколько дней подряд боролись с огнем. И, надо признать, им удалось спасти несколько кварталов. Но положение продолжало ухудшаться, и дышать становилось все труднее и труднее от гари и дыма.

В бюллетене Великой армии, подготовленном вечером 4 (16) сентября, Наполеон недвусмысленно возложил вину за пожар Москвы на графа Ростопчина: «Русский губернатор Ростопчин хотел уничтожить

этот прекрасный город, когда узнал, что русская армия его покидает. Он вооружил три тысячи злодеев, которых выпустил из тюрем; равным образом он создал шесть тысяч подчиненных и раздал им оружие из арсенала <...>. И полыхнул огонь. Ростопчин <...> предусмотрел вывезти пожарных с насосами: таким образом, полная анархия опустошила этот огромный и прекрасный город, и он был пожран пламенем».

А 8 (20) сентября Наполеон написал императору Александру: «Прекрасный и великий город Москва более не существует. Ростопчин ее сжег. Четыреста поджигателей схвачены на месте; все они заявили, что поджигали по приказу этого губернатора и начальника полиции: они расстреляны. Огонь, в конце концов, был остановлен. Три четверти домов сожжены, четвертая часть осталась. Такое поведение ужасно и бессмысленно».

Наполеоновский офицер Николя Фантен дез Одоар в те дни сделал в своем в дневнике следующую запись: «Бешеные сами уничтожили свою столицу! В современной истории нет ничего похожего на этот страшный эпизод. Что это – священный героизм или дикая глупость, доведенная до совершенной крайности? Я придерживаюсь последнего мнения. Да, это не иначе как варвары, скифы, сарматы – те, кто сжег Москву».

Ущерб, нанесенный Москве

В современной советской и российской литературе приводятся следующие данные: до нашествия Наполеона в Москве проживало примерно 270 000 человек, имелось 329 храмов, 464 фабрики и завода, 9151 жилой дом, из которых только 2567 были каменные. В результате пожара, продолжавшегося на протяжении пяти дней (с 2 по 6 сентября), было уничтожено 6496 жилых домов, 122 храма и 8521 торговое помещение. Таким образом, было обращено в пепел 37 % храмов и более 70 % домов, в том числе и множество настоящих дворцов.

По словам участника войны Р. М. Зотова, «Москвы не стало, едва десятая часть уцелела».

Британский генерал Роберт Вильсон, описывая ущерб, нанесенный Москве, приводит следующие цифры: «Из сорока тысяч каменных домов уцелело только двести, а из восьми тысяч деревянных – пятьсот; из тысячи шестисот церквей сгорели восемьсот и семьсот были повреждены; из двадцати четырех тысяч раненых и больных более двадцати тысяч заживо погибли в огне».

Наполеон в одном из своих бюллетеней заявил, что в Москве погибло более 30 000 раненых русских солдат и офицеров. Эта цифра явно завышена, но не в этом дело. Страшно другое: в реляциях новоявленного фельдмаршала Александру I нет вообще ни слова о брошенных в Москве раненых...

Ну а кроме того, были уничтожены Университет, знаменитая библиотека графа Д. П. Бутурлина (она состояла из 40 000 томов), Петровский и Арбатский театры. В огне сгорели важнейшие исторические и культурные экспонаты, в частности, во дворце А. И. Мусина-Пушкина – рукопись «Слова о полку Игореве», а также уникальная «Троицкая летопись» начала XV века. ■

РАЗБОМБИТЬ НАПОЛЕОНА

Сергей НЕЧАЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

Непростая военная обстановка всегда вызывает к жизни «социальные заказы» на средства увеличения военной мощи страны. Каким угодно способом. И желаемое при этом нередко принимается за действительное. Вот и в 1812 году, когда армия Наполеона уже вплотную подошла к Москве, вдруг появился проект создания «бомбардировщика», способного уничтожить захватчиков с воздуха. Стоит ли удивляться, что преувеличенные ожидания породили и преувеличенные обещания? И у кого не закружилась бы голова от такой перспективы?

Как известно, Наполеон проявлял определенный интерес к воздухоплаванию, но всей степени серьезности этого нового направления человеческой деятельности он до конца не понимал. Во всяком случае, когда в 1811 году у императора попросил аудиенции человек, предложивший план построения дирижабля (управляемого воздушного шара), Наполеон в довольно резкой форме отказал ему.

От «панмелодикона» до «махолета»

Этим человеком был немецкий механик Франц Леппих (Franz Leppich), родившийся в 1778 году, изобретатель музыкального инструмента, названного «панмелодикон», с которым он гастролировал по Европе, за деньги демонстрируя его возможности всем желающим. Однако этот самый Леппих мечтал совсем не об этом. Он хотел создать дирижабль и, взяв за основу эксперименты французского изобретателя Жана-Пьера Бланшара, теоретически разработал вариант так называемого «махолета».

По его замыслу шаром с прикрепленной к нему гондолой можно было управлять с помощью машущих крыльев. Для этого Леппих придумал оригинальную систему пружинных механизмов, а Наполеону во время аудиенции он пообещал, что его аппарат сможет поднимать такое количество разрывных снарядов, что посредством их можно будет легко уничтожить целые армии.

Однако Наполеон не соблазнился столь, казалось бы, заманчивой перспективой. Он назвал Леппиха шарлатаном и приказал выслать его из Франции. И тогда Леппих обратился к аналогичным предложениям к российскому правительству. К тому времени очередная война между Россией и Францией была неизбежна, и 22 марта 1812 года русский посланник в Штутгарте Д.М. Алопеус написал императору Александру I:

«Ныне сделано открытие столь великой важности, что оно необходимо должно иметь выгоднейшие последствия для тех, которые первыми оными воспользуются <...> Механик Леппих после многих поисков нашел, что птицы маханием крыльев своих делают пустоту в атмосфере, которая принуждает их стремительно расширяться в облегченном пространстве. Он приносив началу их к шару <...> и, видя, что мы готовимся к борьбе с французами, предло-

RUWIKIPEDIA.ORG

жил машину и дарования свои для ниспровержения их».

Вскоре государственный канцлер Н.П. Румянцев сообщил Алопеусу, что император желает как можно скорее воспользоваться этим изобретением, которое «обещает важные последствия».

Секретный объект в селе Воронцово

Военный историк генерал А.И. Михайловский-Данилевский пишет: «5 мая 1812 года был послан в Москву иностранец Леппих. Он взялся сделать огромный шар, подняться с ним на воздух с 50 человеками и спустить на неприятельскую армию два ящика, наполненные истребительными веществами».

Естественно, весь проект тут же был покрыт завесой глубокой секретности (для «сохранения в тайне замысловатого предприятия»), и о предпологавшихся работах было сообщено лишь московскому губернатору графу Ф.В. Ростопчину. Для пущей таинственности Леппиху, прибывшему в Москву в конце мая 1812 года, выдали документы на имя некоего господина Шмидта. Любая переписка по этому вопросу велась графом Ростопчиным и императором лично, минуя каких-либо секретарей.

Несколько мастеров приехало с изобретателем, а кузнецы и слесари были присланы из Санкт-Петербурга. Потом Шмидта-Леппиха и его помощников тайно отвезли в подмосковное село Воронцово (в семи верстах от Москвы, на Калужской дороге), где были организованы мастерские. При этом полицейские распространяли слух, будто он делает земледельческие орудия для московского гражданского губернатора Н.В. Обрезкова.

В 1812 году Россия готовила авиаудар по французскому императору

RUWIKIPEDIA.ORG

Секретный объект в Воронцово предназначался для подготовки гибели Наполеона (чтобы, как говорили, «Наполеона самого при случае изничтожить»).

Однако генерал М.И. Богданович излагает другую версию. Он пишет: «Российское правительство, уже за три месяца предвидя падение Москвы во власть французов, готовило ее гибель. С сею целью оно приняло предложение английского механика Шмидта (немца Леппиха), который, под видом соорудить для истребления неприятельской армии огромный воздушный шар, стал выделять на загородной даче, близ с. Воронцова, множество ракет, фитилей и других фейерверков; с сею целью выпущены были из тюрьмы до 800 преступников с условием поджечь город в 24 часа после вступления французов, и высланы из столицы пожарные команды и полицейские начальства».

Мастерские Шмидта-Леппиха были окружены усиленным воинским караулом в составе 160 гренадер и 12 драгун («для недопущения любопытных и для охранения от злонамеренных покушений»), а внутри них за всеми работниками строго следили пять проверенных в подобного рода делах унтер-офицеров.

Материю для воздушного шара заказали на одной московской фабрике, а чтобы избежать лишних вопросов, сказали, что некий немец собирается наладить выпуск медицинских пластырей.

Граф Ростопчин был уверен в успехе

Изобретение казалось сначала «удобоисполнительным» до такой степени, что граф Ростопчин написал 20 июня

Слева: граф Ф. В. Ростопчин
Справа: Император Александр I

Александру I: «Леппих уничтожил мои сомнения. Когда шар будет готов, машинист хочет лететь в Вильну. Не улетит ли он к неприятелю? Я совершенно уверен в успехе. Леппих предлагает мне с ним вместе отправиться в путь, но я не смею оставить моего места без Высочайшего разрешения».

По словам генерала А.И. Михайловского-Данилевского, «два маленьких шара, назначенные для опыта, были готовы 13 августа; большой надеялись окончить 30-го того же месяца». На пробном шаре хотели пустить в небо пять человек.

С расходами, как всегда у нас в стране, не считались, и все пожелания Леппиха удовлетворялись незамедлительно. Например, одна ткань для шара обошлась в 20000 рублей. Кроме того, Леппиху сразу выдали 5000 рублей на устройство мастерских и все необходимые для этого материалы, и потом любые требования немца удовлетворялись немедленно.

Леппих потребовал 5000 аршин (3600 м) «тафты особого тканья». Кроме этого, он заказал 3200 кг серной кислоты и 3000 кг железа, которое частью предназначалось для выработки водорода (в соединении с серной кислотой), а частью – для изготовления весел-крыльев.

Финансирование проекта шло через московское отделение государственного банка, директору которого, господину Баркову, было велено выдавать деньги Ростопчину без лишних вопросов.

Граф Ростопчин отвечал за все лично. В свою очередь, он регулярно доносил императору Александру I о ходе дел в мастерских. Для этого он лично присутствовал при всех

опытах, пребывая в уверенности, что к генеральному сражению с французами невиданный аппарат непременно будет готов.

Конструкция «бомбардировщика»

Полторы сотни плотников, кузнецов и швей не покладая рук трудились над созданием детища Франца Леппиха. Фактически это должен был быть первый в мире «бомбардировщик» с 40-местной лодкой-гондолой посредине, в которой был предусмотрен люк для сбрасывания на врага пороховых фугасов. А передвижение дирижабля в воздухе должно было осуществляться при помощи крыльев, приводимых в действие мускульной силой специально обученных «гребцов». По внешнему виду этот дирижабль объемом примерно 800 кубометров напоминал кита. Для получения водорода вдоль стен дирижабля располагались бочки с серной кислотой и железными опилками – в них должна была идти химическая реакция.

Обласканный властями Шмидт-Леппих не скупился на обещания. Свой аппарат он планировал вооружить ракетами и фугасными снарядами, которые он рассчитывал сбросить на войска Наполеона в самый ответственный момент сражения. Граф Ростопчин в восторге писал императору: «Леппих – человек весьма искусный и опытный механик. Он разъяснил мне устройство пружин, приводящих в движение крылья этого поистине дьявольского снаряда, который мог бы нанести со временем более вреда роду человеческому, нежели сам Наполеон».

Первые испытания

В конце июля 1812 года в селе Вороноцово были проведены испытания. В результате прототип дирижабля чуть-чуть поднялся над землей, и граф Ростопчин тут же начал подбирать надежных людей в экипаж этого «летучего корабля».

Позднее, когда французы вошли в Москву, они нашли в одном из домов графа Ростопчина документы, доказывающие тот факт, что он очень верил Леппиху и платил ему немалые деньги. В частности, коротенькой записочкой от 30 июля 1812 года Леппих требовал у Ростопчина 12 000 рублей. Сохранилось также письмо Леппиха, уже от 24 августа (5 сентября). В нем говорилось следующее: «Ваше Сиятельство не можете представить, сколько встретил я затруднений, приготовляя баллон к путешествию. Но зато вот уже завтра непременно полетит».

После этого граф Ростопчин в особой листовке уведомил московский народ: «Мне поручено от государя было сделать большой шар, на котором 50 человек полетят, куда захотят, и по ветру и против ветра, а что от сего будет – узнаете и порадуетесь. Если погода будет хороша, то завтра или послезавтра ко мне будет маленький шар для пробы. Я вам заявляю, чтобы вы, увидев его, не подумали, что это от злодея, а он сделан к его вреду и погибели».

Этим он раскрывал тайну, но что за беда, если москвичи все равно не сегодня зав-

тра увидят «бомбардировщик» в воздухе. По сути, граф, как ему казалось, поддерживал в народе бодрость и боевой дух.

А вот генерал М. И. Богданович вновь предлагает иную версию. Он пишет: «Трудно поверить, в особенности приняв во внимание недоверчивость Ростопчина к иностранцам, чтобы он действительно был убежден в пользе машины, предложенной Шмидтом; гораздо вероятнее, что он имел в виду только отвлечь общее внимание от предстоявшей опасности и остановить переселение московских жителей».

Всего, по оценкам, русское правительство потратило на работы по созданию первого в мире «бомбардировщика» около 320 000 рублей казенных денег. Огромная сумма!

Генерал М. И. Богданович отмечает, что Шмидт-Леппих был «фанатически уверен в достоинстве своего изобретения» и он «издержал для сооружения летучей машины и для наполнения шара газом огромное количество железа, строевого леса, тафты, селитренной кислоты и прочее».

«Махолет» должен был стать супероружием, которому не смог бы противостоять даже Наполеон с его доселе непобедимой армией. Граф Ростопчин, предаваясь восторженным мечтаниям, писал императору, что изобретение Леппиха «сделает бесполезным ремесло военного», а сам Александр I с его помощью станет «вершителем судеб других государей и всех государств».

Но мечты мечтами, а законы физики – законами физики. Повторное испытание дирижабля привело к неудаче: снаряженную всем необходимым машину поднять в воздух не удалось. Сейчас ученые подсчитали, что ферма дирижабля (деревянная конструкция с металлическими деталями) была длиной 15 метров и при объеме 800 кубических метров он больше двух человек поднять никак не мог.

Известно также, что непосредственно перед Бородинским сражением главнокомандующий русской армии М. И. Кутузов интересовался у графа Ростопчина возможностью использования «еростата» в боевых условиях.

22 августа 1812 года
ПИСЬМО М. И. КУТУЗОВА
Ф. В. РОСТОПЧИНУ С ПРОСЬБОЙ
СООБЩИТЬ О ВОЗМОЖНОСТИ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АЭРОСТАТА
И О НАМЕРЕНИИ ДАТЬ СРАЖЕНИЕ ПОД
МОСКВОЙ И ЗАЩИЩАТЬ СТОЛИЦУ

Милостивый государь мой граф Фёдор Васильевич!

Государь император говорил мне об еростате, который тайно готовится близ Москвы. Можно ли им будет воспользоваться, прошу мне сказать, и как его употребить удобнее.

Надеюсь дать баталию в теперешней позиции, разве неприятель пойдет меня обходить, тогда должен буду я отступить, чтобы ему ход к Москве воспрепятствовать, и ежели буду побежден, то пойду к Москве и там буду оборонять столицу.

Всепокорный слуга князь Голенищев-Кутузов.

Какой ответ получил Кутузов – неизвестно. Но известна инструкция, которую Александр I дал Ростопчину:

«Как только Леппих будет готов, составьте экипаж для его лодки из верных и умных людей и пошлите курьера к генералу Кутузову, чтобы предупредить его. Я сообщил ему об этом. Внутрите, пожалуйста, Леппиху, чтобы он обратил хорошенько внимание на то место, где он спустится в первый раз, чтобы не ошибиться и не попасть в руки врага. Необходимо, чтобы он соображал свои движения с движениями главнокомандующего».

Срочная эвакуация секретного объекта

А тем временем Наполеон уже приближался к Москве, и в конце августа все имущество мастерских Леппиха пришлось в спешном порядке эвакуировать на 130 подводках в Нижний Новгород в сопровождении отставного генерал-майора А. Чесменского, горячего сторонника идеи создания военного дирижабля. Сам Леппих и его ближайшие помощники были отправлены под Санкт-Петербург, в город Ораниенбаум, где его секретная лаборатория просуществовала предположительно до конца 1813 года.

Генерал А. И. Михайловский Данилевский свидетельствует: «Вскоре однако оказалось предприятие невозможным. Вместо назначенных для приготовления шести часов, прошло пять дней, и тогда, вместо пяти человек, могли подняться только двое. Тут нашлись опять затруднения; кончилось тем, что граф Ростопчин, сперва не имевший сомнения в успехе, назвал Леппиха шарлатаном».

В конце октября 1812 года граф Ростопчин отчитался перед императором: «Тайна шара строго сохранилась, все, что можно было разобрать и сжечь, было уничтожено специальной командой унтер-офицеров, которым я это поручил».

Автопоинформации А. И. Михайловского-Данилевского, в Нижний Новгород отправили «шар, инструменты и другие снадобья, стоившие 163 000 рублей».

Этот же генерал позднее написал: «Второпях не успели всего уложить. Оставшиеся в небольшом количестве материалы, найденные неприятелями, послужили им предлогом к вымыслу, будто шар готовили для сожжения Москвы. Может показаться странным: почему прибегали к новому, опытом не доказанному средству истребления против врагов? Такой вопрос весьма понятен ныне, среди мира и благоденствия <...> Но надобно мысленно перенестись в тогдашнее время бурь и тревожений, когда вся Европа нахлынула на наше Отечество, и висело над ним иго, подобное ярму, некогда наложенному на Россию татарами. В таких обстоятельствах явилось предложение нанести гибель врагам, которые уже не издали грозил, но дотрагивались до самого сердца государства. Следовательно, надлежало более тому удивляться, если бы подобное предложение было отринуту, нежели тому, что согласились испытать его. Почему нам было не изобретать необычайных средств против нашествия, имевшего целью наложить на Россию оковы рабства? Ад надобно было отражать адом».

Изобретатель-неудачник, проходимец или шарлатан?

Как только Шмидт-Леппих приехал в Санкт-Петербург, он обратился с письмом к Александру I, прося денег на продолжение строительства дирижабля, «дабы изобретение, по всей справедливости летучею машиною называемое, для пользы Вашего

Императорского Величества и целого света наискорее могло быть употребляемо».

Удивительно, но и тут император распорядился отпустить требуемые средства. Надзирать за работами в Ораниенбауме, Александр I поставил своего любимца А. А. Аракчеева. А Леппих тем временем продолжал обещать: «Воспользовавшись первым благоприятным случаем совершенного наполнения баллона, не теряя ни малейшего времени, я прилечу в Санкт-Петербург, где и постараюсь опуститься в саду Таврического дворца».

Но никто никуда так и не прилетел. Говорят, что в 1813 году изобретатель все же сумел поднять свое детище в воздух метров на десять – двенадцать, но управлять им и лететь против ветра он не смог.

Историк Е. В. Тарле считает Леппиха обычным «проходимцем, прибывшим из Германии». В его книге «Нашествие Наполеона на Россию» читаем: «У нас есть позднейшее показание, исходящее от Аракчеева, о том, что царь будто бы хотел этой затеей несколько успокоить, отвлечь и развлечь умы, но что сам будто бы в эту шарлатанскую проделку не верил».

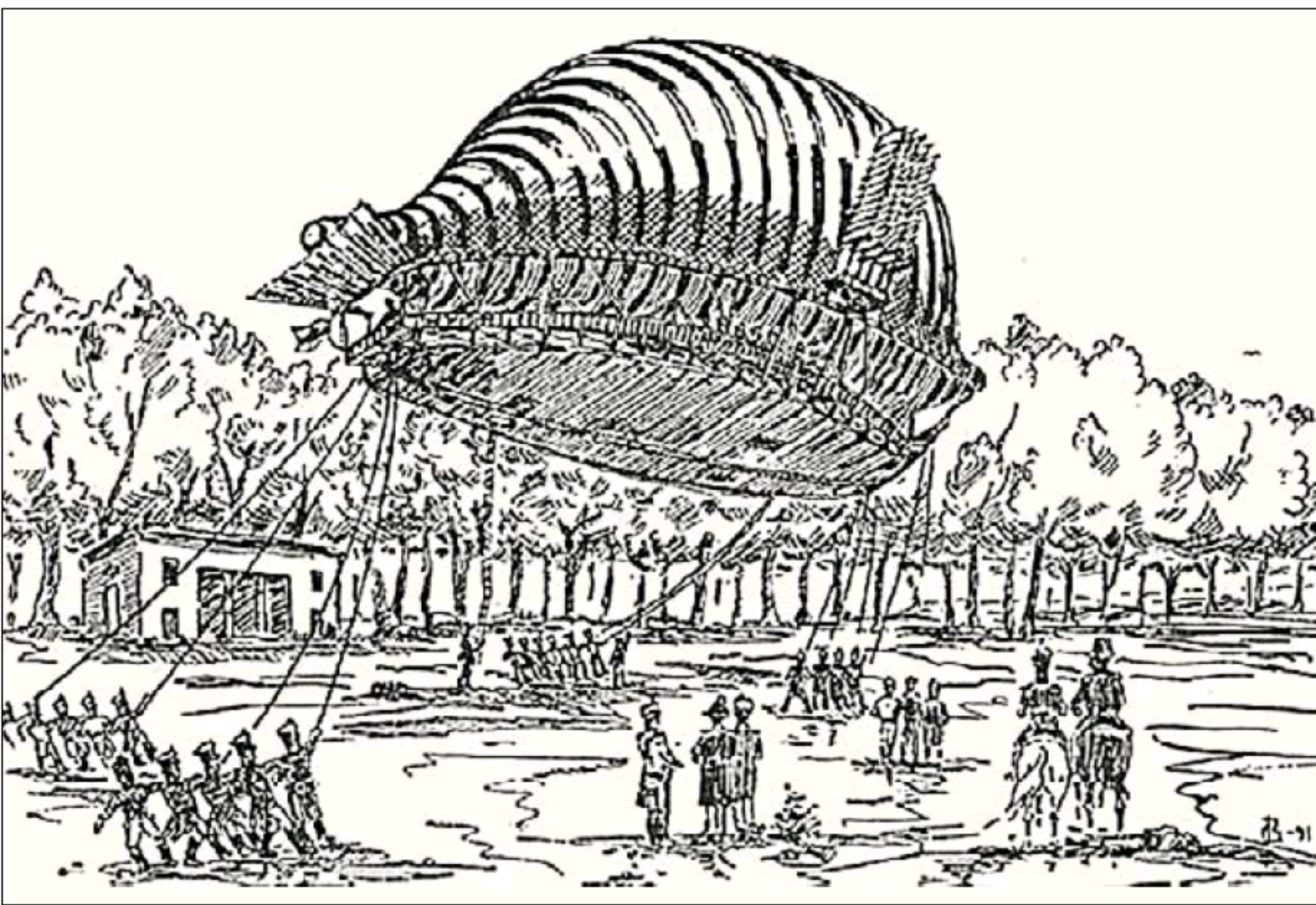
С такой постановкой вопроса едва ли можно согласиться. И Александр I, и М. И. Кутузов, и многие другие, находившиеся в курсе задуманного, явно «купились» на проекты и обещания Леппиха. Да и у кого бы, как уже было сказано, в подобных условиях не закружилась голова от такой удивительной перспективы. Просто в 1812–1813 гг. технологически любая сложная техника была еще очень и очень уязвима. По всей видимости, расстроенный Франц Леппих укатил обратно в Германию, а там его следы потерялись.

Так кто же был этот человек?

Вот, например, какую оценку дает ему историк С. П. Мельгунов: «Шар этот послужил впоследствии поводом бесконечных рассуждений в связи с вопросом о пожаре Москвы. Вне всякого сомнения, правительство возлагало серьезные надежды на изобретение, предложенное Леппихом».

Ф. В. Ростопчин явно отнесся к проекту Леппиха с подобающей серьезностью, о чем свидетельствует его переписка по этому поводу с императором Александром. Впрочем, позднее граф, по своему обыкновению, от всего этого отказался. В своей «Правде о московском пожаре» Ростопчин уже говорит о Шмидте-Леппихе так: «Этот человек, будто бы нашедший способ управлять воздушным шаром, занимался тогда устройством такового, и следуя шарлатанству, просил о сохранении тайны насчет его работы». А вот еще его слова: «Уже слишком увеличили историю этого шара, дабы сделать из оной посмеяние для русских; но простофили очень редки между ними <...> солома и сено гораздо были бы способнее для зажигателей, чем фейерверки, требующие предосторожности, и столь же трудные к сокрытию, как и к управлению для людей, совсем к тому не привыкших».

По словам же Е. В. Тарле, «выманив достаточно казенных денег, Леппих как-то бесследно улетучился даже без помощи шара, который, конечно, никуда от земли не отлучался и отлучиться не мог, потому что его и не было».

НЕ БОНАПАРТ?

Сергей НЕЧАЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

Современная ДНК-экспертиза подтвердила: Наполеон I и Наполеон III – даже не родственники

Император французов Наполеон III, третий сын короля Голландии Луи Бонапарта (родного брата Наполеона I) и Гортензии де Богарне (дочери императрицы Жозефины от первого брака), родился 20 апреля 1808 года. Королева Гортензия тогда жила в Париже, находясь практически в разводе с мужем, за которого она вышла против своей воли. А вот кто был настоящим отцом будущего императора?

Однозначный ответ на этот вопрос могла бы дать генетическая экспертиза. И она была проведена профессором Жераром Люкоттом – ученым, считающим себя отцом молекулярной антропологии. В свое время он же сделал анализ пряди волос императора Наполеона I и результаты своих исследований опубликовал в канадском Journal of Molecular Biology Research. По сути, профессор показал всем данные по ДНК Y-хромосомы Наполеона. Другими словами, он представил генетическую карту его отцовской линии. А до этого он долгое время изучал генетику материнской линии предков Наполеона. Так вот, по мнению ученого, гаплогруппа Y-хромосомы Наполеона – E1b1b1c (E-M34).

ШОКИРУЮЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Затем, в 2012 году, 60-летний принц Шарль Наполеон, потомок императора по линии Жерома Бонапарта (его младшего брата), решил помочь исследованиям и предоставил ученому для анализа образцы своей ДНК. Как и следовало ожидать, у принца и у его знаменитого предка маркеры Y-хромосомы оказались идентичными.

Что же касается Наполеона III, то профессор Люкотт сравнил волосы из его сохранившегося медальона (они датируются 6 марта 1871 года) и волосы сына Наполеона III, убитого в Африке 2 июня 1879 года. И все это было сопоставлено с гаплогруппой

Y-хромосомы принца Шарля Наполеона, потомка императора по линии Жерома Бонапарта.

Результат исследования оказался поразительным: гаплогруппа Наполеона III оказалась совсем не такой, как у Наполеона I и его брата Жерома Бонапарта!

Напомним, гаплогруппа Y-хромосомы Наполеона I – E1b1b1c (E-M34). А вот у Наполеона III она – M170.

НЕУДАЧНЫЙ БРАК ГОРТЕНЗИИ ДЕ БОГАРНЕ

Гортензия де Богарне вышла замуж в самом начале 1802 года, и брак этот организовал Наполеон, выдав дочь своей жены за своего брата Луи Бонапарта. Свадьба состоялась 3 января.

Так Гортензия стала... невесткой своей собственной матери.

Позже, в 1806 году, муж Гортензии получил корону Голландии, а она сама стала королевой. У них родилось трое сыновей: Наполеон Шарль (в 1802 году), Наполеон Луи (в 1804 году) и Луи Наполеон (в 1808 году).

К сожалению, брак этот оказался несчастлив: Гортензия в свое время была влюблена в Мишеля Дюрока, будущего гофмаршала двора Наполеона. В некоторых источниках утверждается даже, что «она любила только Дюрока».

А вот Луи не любил никого, страдая всевозможными маниями и венерическими болезнями. И полюбить такого человека было весьма сложно. Соответственно, ни о какой верности в этом искусственно сооруженном браке не могло быть и речи...

Гортензия, родившаяся 10 апреля 1783 года в Париже, была красивой девушкой, полной веселья и обаяния. Она была весьма привлекательна, хотя и

несколько легкомысленна. Но какая красивая девушка не легкомысленна в столь юном возрасте? Естественно, вокруг нее роились кавалеры, и ей все это страшно нравилось.

Луи Бонапарт, родившийся 2 сентября 1778 года на Корсике, напротив, был угрюмым и нелюдимым. Он целыми днями сидел, уткнувшись носом в книгу или предаваясь мечтаньям. А еще он страдал от некоей точно не установленной болезни, в результате чего был подвержен ревматическим приступам, которые в конце концов сделали его настоящим калекой. В душевном плане он был не более здоров, мучая окружающих вспышками ревности или мании преследования.

Короче говоря, это был раздражительный ипохондрик с неизменно мрачным выражением лица.

Первая крупная ссора между новобрачными произошла еще в медовый месяц, проводимый в Мальмезоне. Гортензия и ее подруги над чем-то посмеялись, а Луи принял этот смех на свой счет и начал орать, что он не позволит унижать себя и предпочтет лучше разорвать брак, чем терпеть эти вечные насмешки.

«После этого, – написала в своих «Мемуарах» Гортензия, – Луи вызывал у меня лишь одно чувство – это был страх!»

Как бы то ни было, но 10 октября 1802 года у Гортензии родился ребенок. Это был мальчик! Первый мальчик в роду Наполеона Бонапарта!!! И назван он был Наполеоном Шарлем в честь самого Наполеона и его отца.

После рождения этого ребенка Наполеон, не имевший еще тогда своих собственных детей, немедленно заявил о своем желании усыновить племянника. Но этому воспротивился Луи, которого раздражало то, что ребенка называли Наполеоном. Чтобы сделать брата более сговорчивым, Наполеон стал задабривать его всевозможными титулами и закончил это тем, что возвел его в июне 1806 года на трон короля Голландии.

А тем временем отношения Гортензии и Луи совсем расклеились. Луи изводил жену допросами и подозрениями в измене. По словам одного из историков, он каждую ночь «со свечой в руке обыскивал ее комнату, пытаясь обнаружить любовников».

В довершение всех несчастий маленький Наполеон Шарль прожил всего четыре с половиной года: он умер от дифтерии в ночь с 4 на 5 мая 1807 года.

Горе Гортензии не поддавалось описанию. Для Наполеона это тоже стало большим потрясением. Но у падчерицы Наполеона к тому времени уже был еще один сын –

Наполеон Луи. Он родился в Париже 11 октября 1804 года (к несчастью, и он умрет от кори 17 марта 1831 года в возрасте всего 26 лет).

А 20 апреля 1808 года, как уже говорилось, появился на свет третий сын, названный Луи Наполеоном. Он-то и стал в 1852 году императором Наполеоном III. Но вот был ли он сыном Луи Бонапарта?

РОМАН ТАЛЕЙРАНА И ГРАФИНИ ДЕ ФЛАО

Прежде чем ответить на этот вопрос, расскажем следующую историю. В 1783 году будущий великий дипломат Шароль Морис де Талейран-Перигор (ему тогда было 29 лет) встретился с очаровательной графиней де Флао де ля Бийярдери.

Ее звали Аделаида Эмилия, и ей было тогда 22 года. В ноябре 1779 года она вышла замуж за Шарля Франсуа де Флао, графа де ля Бийярдери, который был на 35 лет старше ее.

В момент встречи с Талейраном красавица Аделаида Эмилия жила отдельно от мужа, хотя и не была с ним в разводе. Мадам де Флао имела квартиру на последнем этаже Лувра, а ее салон был одним из наиболее известных в Париже, и в нем встречались самые известные люди.

Вот и Талейрана, очень любившего общество женщин, постоянно видели у мадам де Флао, где он, прихрамывая, обычно появлялся после полудня. В результате этой почти семейной связи (она длилась почти десять лет) 21 апреля 1785 года у Талейрана родился внебрачный сын – Шарль де Флао.

История эта всегда интересовала авторов, писавших о Талейране. Да, Шарль де Флао родился в апреле 1785 года в Париже. Да, его матерью была графиня де Флао. Но вот кто точно был его отцом? Это, как говорится, большой вопрос. На место отца претендует сразу несколько человек. Прежде всего, конечно, сам граф де Флао. Но он был человеком весьма пожилым (в апреле 1785 года ему было почти шестьдесят) и слабым здоровьем. Фактически, он был «почетным мужем», и молодая графиня де Флао супружеских отношений с ним не поддерживала. Еще историки называют некоего Уильяма Виндхэма. Он был британским парламентарием и в течение ряда лет поддерживал близкие отношения с графиней де Флао. Они повстречались в 1781 году в одном литературном салоне, и после этого он стал ее горячим поклонником. А еще, как говорят, графиня де Флао была в Лондоне летом 1784 года... Наконец, кандидатура Талейрана. Гипотезу о его отцовстве поддерживают около 90 процентов авторов, писавших когда-либо о Шарле де Флао.

Но почему, собственно, столько внимания уделяется этому вопросу? Казалось бы, это личное дело двух-трех человек. Но проблема тут вот в чем. Шарль де Флао впоследствии стал генералом, а потом, уже при Луи Филиппе, – послом Франции в Вене и в Лондоне. А в 1803 году он познакомился с Гортензией де Богарне. И у молодых людей вскоре начался бурный роман, который закончился тем, что в апреле 1808 года у Гортензии родился сын – Луи Наполеон. И что характерно – вечно больной и вечно недовольный женой Луи Бонапарт просто физически не мог быть отцом этого ребенка

КТО ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ОТЕЦ ЛУИ НАПОЛЕОНА?

О первом знакомстве Гортензии и Шарля де Флао рассказывают так:

«На одном из вечеров в 1803 году Шарль увидел танцующую Гортензию и стал аплодировать».

КОРОЛЕВА С СЫНОМ

ровать ей. Это вызвало небольшой скандал. Шокированная, но, конечно, в глубине души не очень-то уж и недовольная, Гортензия пожаловалась мадам де Соуза (граф де Флао умер в 1793 году, а вторым мужем Аделаиды Эмили де Флао стал Жозе Мария де Соуза, посол Португалии в Париже. – Прим. ред.). На следующий день мать и сын предстали перед ней на улице Черутти для извинений. Гортензия не должна была чувствовать себя очень оскорбленной неприличным поведением молодого человека. Прием не был сердитым и неприятным, и Шарль увидел в этом приглашение прийти еще раз».

Произошло это в Тюильри, и, надо сказать, Гортензия танцевала очень хорошо, но ее заделали аплодисменты молодого лейтенанта, ведь она танцевала, чтобы развлечься, а не для того, чтобы ей кто-то аплодировал, как какой-то рядовой балерине.

В то время молодой красавец де Флао был адъютантом будущего маршала Мюрата и другом Эжена де Богарне, старшего брата Гортензии. Он был на два года младше Гортензии.

В 1800 году де Флао начал служить под началом Луи Бонапарта в пятом драгунском полку. Потом он участвовал в сражении при Маренго. Затем, уже будучи адъютантом Мюрата, он был ранен в сражении при Ульме, отмечен за храбрость, участвовал в битвах при Аугсбурге, Лембахе и Аустерлице. При Лембахе, кстати, он снова был ранен.

10 февраля 1806 года Шарль де Флао был произведен в капитаны. Затем он отличился в сражениях при Йене, Ауэрштадте, Эйлау и Фридланде, получил за отвагу орден Почетного легиона.

Его дружеские отношения с Гортензией развивались, и очень скоро эта дружба переросла в удивительную историю любви.

Историк Сюзанна Норман пишет о Шарле де Флао так: «Он был очарователен, обладал многими дарованиями и общими с Гортензией интересами: пение, танцы, верховая езда. Это была удача. Дела службы удерживали его в Париже, оставляя время попеть с ней, потанцевать и поездить на лошадях».

Как уже говорилось, третий сын Гортензии родился 20 апреля 1808 года. Значит, зачат он был где-то в июле 1807 года.

А в январе 1808 года Шарль де Флао, находившийся тогда в Испании, написал матери: «Передавай мне почаще новости о ней. Я очень волнуюсь, сам не знаю, почему. <...> Только бы она чувствовала себя хорошо, это единственное, чего я хочу. Все остальное не в счет, так как я люблю только тебя и ее».

В любом случае, Луи Бонапарт сразу же объявил, что этот ребенок не его. Теперь нам вполне понятно, что у него были на то все основания, а тогда многие решили, что Луи «был во власти некоей мании преследования, что делало его отвратительным для окружающих».

Известно, что Луи Бонапарт называл этого ребенка «ее сыном», а Гортензия предупреждала мальчика: «Не слушайте, что ваш отец будет говорить про меня. Вы ведь знаете, что у него не все в порядке с головой...»

Муж и жена практически не виделись друг с другом. Плюс

ЛУИ БОНАПАРТ

Луи Бонапарт вступил в конфликт с Наполеоном по поводу Континентальной блокады. И все для него кончилось печально: 3 июля 1810 года его убрали, заставив отречься от престола. Он покинул Голландию и уехал в Германию.

ОГЮСТ ДЕ МОРНИ

А 17 сентября 1811 года у Гортензии родился еще один сын – Огюст де Морни (позднее – герцог де Морни). Он появился на свет в Швейцарии и стал братом будущего Наполеона III. При этом совершенно точно

известно, что его отцом был... Шарль де Флао, получивший к тому времени чин полковника.

Некий де Морни, который согласился дать ребенку свое имя, является вымышленным лицом. Но в официальном свидетельстве о рождении было указано, что мальчик появился на свет в Париже 21 октября 1811 года... от неизвестного отца. На самом деле он родился в Сен-Морис-ан-Вале (Швейцария).

Кстати, о своем происхождении Огюст де Морни потом шутил так:

«В моем роду были бастарды от матери к сыну на протяжении трех поколений. Я правнук великого короля, внук епископа, сын королевы и брат императора».

Обстоятельства рождения этого ребенка таковы.

Гортензия отправилась в дорогу 31 августа 1811 года и встретила с Шарлем де Флао в Преньи-ля-Тур, около Женевы. Затем, 14 сентября, оба они направились в Италию. Но королева ошиблась в расчетах и в дороге – в Сен-Морис-ан-Вале произвела на свет мальчика.

Понятно, что Гортензия была вынуждена скрывать эту беременность и роды, а ее любовник все уладил со своей матерью во имя чести королевы. Ребенка забрала себе графиня де Соуза, которая и тайно воспитала его у себя в доме на улице Сен-Флорантен.

Все было сделано для того, чтобы окружить рождение этого сына Шарля де Флао и королевы Гортензии максимальной тайной. Кстати, префект Сен-Морис-ан-Вале, граф де Рамбюто, был другом Шарля де Флао, и страницы регистрации гражданского состояния за сентябрь 1811 года потом куда-то исчезли.

А уже 22 октября 1811 года, в мэрии Третьего округа Парижа, «было зарегистрировано рождение ребенка мужского пола, родителями которого

записали Огюста Жана Гиацинта де Морни, землевладельца из Сан-Доминго, и его жену, урожденную Луизу Эмили Корали Флёр, проживавших в Виллентанёзе».

Много лет спустя Огюст де Морни стал одним из главных участников государственного переворота, в результате которого его брат объявил себя монархом. После этого он некоторое время занимал пост министра внутренних дел Франции. Стоит также отметить, что этот самый Огюст де Морни впоследствии женился на княжне Софье Сергеевне Трубецкой, предполагаемой дочери императора Николая I от его фаворитки Екатерины Мусиной-Пушкиной (принято считать, что в конце 1837 года император насильно обвенчал князя С.В. Трубецкого со своей любовницей, которая находилась в это время на достаточно большом сроке беременности).

ВОПРОС ЗАКРЫТ, ИЛИ ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

Нам вполне понятны меры предосторожности, которые соблюдались при рождении Огюста де

Морни. Все-таки Гортензия была королевой, а Луи – родным братом императора... Но тогда она уже официально не жила со своим мужем. Так что можно себе представить, насколько соблюдалась секретность в 1808 году, то есть за три года до этого. Тем не менее, как пишет историк Рональд Делдерфилд, при рождении третьего сына Гортензии Луи «с сатанинской ухмылкой намекнул, что, по существу, мальчик не является Бонапартом».

Так что, как ни крути, но получается, что человек, ставший в 1852 году императором Наполеоном III, был «дважды внебрачным» внуком хитроумного Талейрана, этого непревзойденного гения интриг, который так ненавидел Наполеона Бонапарта и так завидовал его славе. И правильно говорят, что чем крупнее личность в истории, тем длиннее тени от ее поступков. А еще совершенно справедливо утверждение о том, что в истории, как и в любом спектакле, ценятся прежде всего герои-любовники: ведь именно любовь правит миром...

Также получается, что прав был Виктор

ШАРЛЬ ДЕ ФЛАО

Гюго, утверждавший, что Наполеон III всегда был лишь «дитя случайности», а его имя – «воровство, и рождение – фальшивка».

А теперь вернемся к проведенному анализу ДНК, о котором было рассказано выше. Казалось бы, с ним все ясно, и вопрос этот может быть закрыт. Но вот что пишет о выводах профессора Люкотта историк Жак Масэ: «Сравнение результатов позволяет утверждать, что Наполеон III не был племянником Наполеона I по отцовской линии в генетическом смысле этого слова. С другой стороны, не исключая полностью гипотезу о том, что Наполеон III не был генетическим сыном Луи Бонапарта, нельзя исключить и то, что это Луи Бонапарт имел другого генетического отца, отличного от отца Наполеона I и Жерома и что Луи является всего лишь единоутробным братом Наполеона I».

Очевидно, известный историк имеет в виду следующее: в свое время много говорили о том, что отцом Наполеона I вполне мог быть не Карло Буонапарте, а французский губернатор Корсики граф Луи Шарль де Марбёф, с которым мадам Летиция (мать Наполеона) общалась весьма и весьма близко. Или же им мог быть борец за независимость Корсики Паскуале Паоли, у которого Карло Буонапарте какое-то время ходил в адъютантах и который оказывал явные знаки внимания красавице Летиции. Впрочем, это уже совсем другая история... ■

ОГЮСТ ДЕ МОРНИ

«Совершенно секретно-Украина. Спецвыпуск»
№01 (166) от 14.01.2020
Учредитель и издатель:
ООО «Совершенно секретно-Украина»

04080, г. Киев, ул. Фрунзе, 104, этаж 6, к. 27
Генеральный директор Алексей ВЛАДИМИРОВ
Свидетельство о государственной
регистрации печатного СМИ
КВ № 18953-7743 ПР
выдано Гос. регистрационной службой
Украины 02.03.2012
Адрес редакции/издателя:
04073, г. Киев, Куреневский переулок, 17Г

Телефон редакции: (044) 207-97-11
e-mail: sovsec@sovsec.kiev.ua
Цена свободная
Реклама: тел./факс: (044) 207-97-11
При подготовке номера использованы
материалы международного
ежемесячника «Совершенно секретно»
Рукописи, присланные в редакцию,
не рецензируются и не возвращаются.

Мнение редакции может не совпадать
с мнением автора.
Украинская редакция переписку с читателями
не ведет. Перепечатка только с разрешения
«Совершенно секретно-Украина».
Редакция не несет ответственности за содержание
рекламы. Во всех случаях типографского
брака обращаться в типографию
ООО «Мега-Полиграф». Адрес: г. Киев,
ул. М. Вовчка, 12/14.

Тел. (044) 451-86-70, (044) 581-68-15.
©«Совершенно секретно-Украина», 2020
Отпечатано в типографии
ООО «Мега-Полиграф».
г. Киев, ул. М. Вовчка, 12/14.
Тираж: 40000 экз. Заказ №75242

В ЯНВАРСКОМ
НОМЕРЕ ЧИТАЙТЕ:

- ГАЗОВАЯ ПЕТЛЯ ПУТИНА
- ЧЕГО ЖДАТЬ ОТ ЭКОНОМИКИ В 2020?
- СОВЕТСКО-ФИНСКАЯ ВОЙНА. ПАРАЛЛЕЛИ
- АМЕРИКАНСКАЯ ПОМОЩЬ УКРАИНЕ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

уже
В ПРОДАЖЕ

Свідोцтво
про держреєстрацію
Серія КВ,
№ 18953-7743ПР
від 02.03.2012р.

СПЕЦВЫПУСК
«Секреты войны»

